

МАРГАРИТА ДЮЖЕВА

ТОМ I

ЖАРКИЙ
АВГУСТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Дюжева
Жаркий Август. Книга Первая
Серия «Жаркий Август», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42164342

SelfPub; 2022

Аннотация

Может быть, это другая Планета, а может другая Галактика... Ви Эйра – красивая, маленькая планета с развитым уровнем медицины, но с черной, страшной изнанкой. Именно там оказалась Василиса. Для кого-то Премудрая, для кого-то Прекрасная. Были у нее друзья, увлечения и любимая работа, благодаря которой и случилась с ней беда. И теперь она вынуждена собирать себя по кусочкам, по крупичкам, мечтая о возвращении к прежней жизни. Кто же знал, что именно такое печальное стечение обстоятельств приведет ее к встрече с НИМ. Кто он? Очередное испытание на прочность? Или подарок, подкинутый судьбой?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	30
Глава 3	54
Глава 4	79
Глава 5	93
Глава 6	120
Глава 7	133
Глава 8	145
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Маргарита Дюжева

Жаркий Август.

Книга Первая

Пролог

Бейся сердечко, бейся.

Лежу на кровати вся в холодном поту, по телу пробегают судороги, переходящие в крупную дрожь. Прислушиваюсь к гулко сокращающейся мышце, перекачивающей кровь. Надрывно, неровно, словно из последних сил.

Обычное явление. Моя обычная ночь.

Остается лишь стиснуть зубы и ухватиться за влажную от пота простыню, скомкав ее в скрюченных пальцах.

Под рукой лежит пульт. Если станет совсем лихо, можно нажать на заветную кнопку, активировав робота-медика, стоящего рядом с кроватью, принудив его вколоть обезболивающее. Эта равнодушная жестянка фиксирует все, что происходит со мной, но лишней раз не вводит никаких лекарств. Опасно. Сердце может не выдержать.

Доктор, настоящий, а не это электронное чудо, сказал терпеть. Боль сильна, но не смертельна. А вот если поддастся слабости и подсесть на обезболивающие препараты, то ре-

зультат, скорее всего, будет плачевным.

Моему организму хватает и тех препаратов, которые вкалывают для восстановления.

Лекарства, они же яды, полученные из желез экзотических животных, завезенных к нам с дальних станций, не дают моей раздробленной спине отторгнуть корсет Августовского. Август, как его именуют в простонародье. Страшное приспособление, но это единственный шанс, собрать воедино то, что осталось от моего позвоночника.

Ужасный, металлический корсет, опоясывающий грудную клетку, словно вторые ребра, вживленный в плоть, подключенный к нервным центрам. Ненавижу его, но если бы не он, то лежала бы я сейчас на больничной койке, как овощ переросток и только глазами хлопала невпопад, а так хожу, дела все делаю, живу самостоятельно, почти как нормальный человек.

Правда организм плохо переносит это чудовищное вмешательство, приходится вливать в него такие препараты, что запрещены во всей Галактике, кроме реабилитационного центра Солнце Августа.

Что они там побочно со мной вытворяют? Ах, да, разрушают мои почки, печень, истончают сердечную мышцу и зрительный нерв, делаю кровь практически прозрачной, разрушая кровеносные тельца.

Красота, ничего не скажешь. Но именно они делают так, что корсет восстанавливает спину. Августовский был гени-

ем. Смог изобрести такой механизм, подаривший мне, да и миллионам других людей Галактики, шанс на восстановление. Недаром за свой корсет он получил премию кого-то там и денежное вознаграждение, позволившее купить себе целый замок.

Странно, что в наш век, когда технологии развиты настолько что медибары, могут вылечить рак четвертой стадии за несколько дней, так, и не смогли создать программу, способную восстановить поврежденный спинной мозг.

Программы нет. Есть Корсет Августовского, больше похожий на инструмент средневековых пыток, чем на реабилитационное устройство.

Впрочем, чего я ною? Корсет свое дело знает. Что бы ни стало со спиной, в какие бы ошметки она не превратилась, чудо агрегат, при поддержке сильнодействующих средств, все приводит в норму за три с половиной месяца. Сто семь дней. Ничтожно малый срок. Ради дальнейшей полноценной жизни можно и потерпеть.

Вот я и терплю. Уже 64 дня. Даже календарик специальный завела с розочками, в котором числа вычеркиваю. Ненавижу розы.

Выдержу, главное зубы не раскрошить, в момент очередного приступа, когда накатывает волна агонии, и, кажется, нет ни одной клеточки, которая не кричала бы от боли.

Осталось всего полтора месяца, и эту металлическую кирасу с меня снимут. А потом в медибар, восстанавливать все

остальное, приводить себя в порядок. Да интенсивный курс психологической реабилитации.

Только бы сердечко выдержало. Беспокоит оно меня сильно. То зайдет в бешеном ритме, а то удары пропускает. Страшно.

Пожалуйста, 43 дня продержись, потом все наладится. Заживем. В путешествие поедem, может даже влюбимся в кого-нибудь, заведем ничего не значащий роман, ну или кота на худой конец.

Опускаю тоскливый взгляд на электронные часы тусклым красным светом моргающие в темноте. Пять утра.

Не засну больше. Боль не даст. Надо встать, чем-то занять себя, чтобы отвлечься от жалости к самой себе и мыслей о дозе обезболивающего.

Сегодня, какое число? Седьмое мая? Можно зачеркнуть еще один день в заветном календаре? Хотя нет, рано, день еще надо прожить.

Какие у меня планы на сегодня, кроме как бороться за выживание? Пусто?

Размечталась. Покой нам только снится. Сегодня в обед придут Таська, Вадим, скорее всего с ними увяжутся Руслан, Сэм и конечно Марика. Куда же без Марики? Марика, наше все.

Нажимаю на кнопку на пульте, и кровать медленно трансформируется, таким образом, что я принимаю сидячее положение. Встать сама, я пока не могу, приходится помогать

себе.

Сначала сесть, потом, цепляясь побелевшими от напряжения пальцами в поручень койки медленно встать на трясущиеся ноги. Надеть ужасные очки, постоять, дав организму, немного времени придти в себя, и только тогда делать первые, осторожные утренние шаги.

Пятнадцать шажков до душевой. Считаю их каждый день, словно молитву про себя проговариваю. Сначала преодолела, опираясь на клюшку, а две недели назад начала сама. Медленно, упорно, сжав кулаки. Я сильная, я должна справиться. И я справлюсь.

Вот и душевая. Осторожно снимаю ночной халат и вешаю его на крючок. Корсет так просто не повредить, титановый сплав как-никак, но все равно лишний раз предпочитаю не надевать, иначе пульсирующая боль обеспечена.

С одной стороны расположена душевая кабина с самораздвигающимися тонированными стеклянными стенками, а с другой какой-то шутник повесил огромное, во всю стену зеркало. Ненавижу его еще больше чем розы, но каждый день не могу остановиться, подхожу к нему и подолгу рассматриваю себя Ваську. Василису Чуракову. Василису, мать ее за ногу, Прекрасную.

Сегодня, как и вчера, как и много дней до этого, подхожу к зеркалу, нерешительно поднимаю глаза и не могу сдержать стон, вырывающийся из глубины души, при созерцании своего распрекрасного лика.

Из зеркала на меня опять смотрит ЭТО.

Бледное, желтоватое существо с огромными темными подглазниками. Если смотреть на себя в очках, то можно увидеть лишь крошечные гразки-бусинки неопределенного цвета. Хотя на самом деле ничего кроме глаз на лице и не осталось уже. Дело все в очках. Я настолько плохо стала видеть, что мне в клинике выдали очки с толстыми гнутыми линзами, еще больше уродующими мой внешний вид. Кстати белки глаз тоже имеют желтоватый отлив из-за повреждений печени. Так что можно сказать не белки, а желтки!

Нервно захихикала. Черный юмор мой конек.

Бледные, обескровленные губы, как у покойника, за которыми прячутся потемневшие зубы. Провела по ним языком, чтобы убедиться, что они еще на месте, по крайней мере, их остатки, а то на прошлой неделе один зуб качался— качался, а потом выпал. Ладно, хоть не спереди. Если не улыбаться широко, то и не заметно. Кстати, два зуба начали покачиваться. Блеск. С такими темпами к концу реабилитации придется переходить на пюреобразную пищу.

Некогда густые, медового цвета волосы сейчас заметно поредели. Оставшиеся сеченые «кудри» еле доставали до плеч, свисая жалкими уныло-серыми сосульками.

Подошла к зеркалу еще ближе, чтобы рассмотреть свою кожу. Сухая, дряблая, местами шелушиться. Словно старый пергамент.

О-о-о-х, кошмар! Где та симпатичная девчонка, которой

я была?

Зубы свело от тоски. Знаю, что все можно будет потом исправить, главное, что бы спина зажила, но в сердце ворочается страшная мысль, наполняющая паникой все мое существо. «А, что если это навсегда?».

Как в бреду опускаю взгляд ниже, на отражение своего тела.

Боже, дай мне сил это выдержать!

Неестественно ссутуленная, практически анорексичка. Вот кем я стала! Все эти ребра, бедренные косточки, жалкие острые коленки. А грудь? Где моя грудь полного третьего размера, на которую непроизвольно косились все мужчины? Что это за нелепое недоразумение на ее месте?

Я некрасиво всхлипнула, зажмурив глаза. Нет, реветь не буду. Это минутная слабость и только.

Горько усмехнувшись, отвернулась от зеркала и направилась в душ.

Хотя и душем то это не назовешь. "Мытье" при помощи воздушных струй – это единственно возможный способ принятия гигиенических процедур для того, кому повезло обзавестись Августом.

Как же я мечтала о ванне, до краев наполненной горячей водой с клубами шелковистой ароматной пены, и бокале дорого шампанского, и красивой одежде, и туфлях на высокой шпильке...

Ладно, все пройдет! Все починим и приведем в порядок.

Главное дожить.

Всего 43 дня.

Держись, Васька, держись!

Глава 1

Осталось 43 дня

Проснулась как от толчка, выныривая на поверхность сознания из тяжелого непонятного сна.

Приоткрыла один глаз, пытаюсь понять, где нахожусь. Перед взором лишь размытые очертания комнаты. Рассеянно пошарила руками рядом с собой, надеясь найти очки. Так и есть, вот они родимые.

Надев их, уже ясным взором осмотрелась вокруг.

Похоже, я заснула в гостиной перед телевизором, откинувшись на мягкие подушки. Со стоном приняла ровное положение и в надежде бросила взгляд на электронные часы-календарь, висевшие на стене.

Они бесстрастно показывали почти двенадцать часов дня, по-прежнему 7 мая. Жалко. Я уж обрадовалась, что можно вычеркнуть еще один день в своем розовом календаре.

С трудом встала на ноги и побрела на кухню, безумно хотелось пить. Налила в кружку холодной воды и всю ее выпила. Аппетита как всегда не было. Врач, отвечающий за мое восстановление, точно спустит с меня шкуру. Сил на выздоровление надо много, а от меня уже кожа да кости остались.

С тяжелым вздохом подошла к холодильнику, намереваясь затолкать в себя хоть что-то. Выбор не велик, вся моро-

зильная камера забита замороженными готовыми блюдами, которые надо только прогреть перед употреблением. Гадость конечно редкостная, да только проблема в том, что я и кухня никогда не дружили. Я из любых, даже самых качественных, продуктов могла приготовить только одно – бурую безвкусную массу, уныло и неэстетично растекающуюся по поверхности тарелки.

Уже было протянула руку за очередным пластиковым пайком, как вдруг в памяти всплыло, что сегодня у меня на обед гости. Не скажу, конечно, что рада им, но там будет Таська, моя верная школьная и университетская подруга. Она-то уж была в курсе моих кулинарных талантов и всегда приходила «со своим». То пиццу захватит, то горячий обед где-то предварительно закажет, а то пирогов собственного изготовления принесет.

Облегченно выдохнула и захлопнула дверцу холодильника. Вот и чудесно, с ними и поем.

Добрела до своей комнаты, намереваясь, хоть немного привести себя в порядок (ха-ха). Причесалась, заколола жиденький хвостик на самой макушке, надела «праздничное» платье – широкое, бесформенное, на пуговицах спереди. Некрасивое, но хотя бы во всех этих складках не выступает корсет. В общем, приготовилась и стала ждать.

Гости появились на пороге моей унылой обители примерно около трех. Если честно, я уже надеялась, что они не при-

дуг и мне удастся немного поспать перед телевизором. Я вообще последнее время спать любила. Во время сна время быстрее проходит.

Еще издали, сквозь высокое, во всю стену, окно я увидела как по дорожке к моему дому катится ярко красный автомобиль с открытым верхом. Все ясно, Маририка все-таки решила к нам присоединиться. Я досадливо потерла лицо рукой и покачала головой. Вот кого-кого, а Маририку мне точно не хотелось видеть.

Эффектная яркая блондинка, в голове которой нет ничего, кроме звонкого эха. Богатый папочка обеспечил ей безбедное существование, не обремененное такими глупостями, присущими обычным людям, как работа, добыча денег, домашние заботы. Она жила для своего удовольствия: маникюр, педикюр, курорты и дорогие магазины.

Скажете, что я ей завидую? Уверяю, что это не так. Причина моей неприязни к этой особе кроется в далеком детстве.

Она тоже моя одноклассница, как и Таська. Еще в школе Маририка Власова была настоящей красавицей. У нее раньше всех появились грудь, туфли на шпильках и первый парень. На занятиях она блистала своей тупостью, а на переменных своей красотой. Рано почувствовав себя королевой, она с удовольствием цеплялась к тем, кто ей не нравился.

Основная беда заключалась в том, что не нравилась ей именно я.

В школе меня можно было охарактеризовать как вечно взлохмаченное, ярко-рыжее создание, без каких-либо признаков женственности. Добавьте сюда очки, брекеты, мешковатую одежду и зубрежку каждого урока, и вы получите представление о том, как выглядела Василиса Чуракова в средней школе. Марика мне тогда проходу не давала, постоянно глумясь над моим убогим внешним видом. Помню, каждое утро, собираясь на занятия, я думала о том, какое прозвище она мне придумает на этот раз, как все вокруг будут дружно надо мной смеяться, а мне захочется в очередной раз удавиться.

Я не могла дождаться, когда же мне, наконец, исполнится шестнадцать лет и мне разрешат воспользоваться медибаром, чтобы навсегда избавиться от ненавистных очков и скобок на зубах.

К сожалению, когда мне исполнилось пятнадцать, мать с отцом развелись, и мы с ней уехали практически на другой конец света. Так что мне не удалось пощеголять в школе ровными зубками и выразительными глазками.

Потом, как-то внезапно для самой себя, я начала меняться. Фигура перестала быть угловатой, на нужных местах образовались весьма аппетитные округлости, шевелюра потемнела и приобрела насыщенный медовый цвет.

К моей преогромной радости, в университет уже поступала не Василиса Стремная, а Василиса практически Прекрасная. Конечно, пришлось поработать над стилем и манерами,

но результат того стоил.

Была у меня мечта, вернуться в родной город и встретиться со своими бывшими одноклассниками. Надеть платье, обтягивающее каждый изгиб, туфли на высоком каблуке, накраситься, сделать прическу и появиться перед их изумленными очами. Мечтала посмотреть, как вытянется лицо у Марики, когда она увидит, какой я стала.

В общем, грезил я о своем триумфальном возвращении часто и с упоением.

И вот вернулась. С раздробленной спиной, закованная в титановые доспехи, и таким внешним видом, что впору только детей непослушных пугать.

Насмешка судьбы, блин.

Знаете, что сказала Власова, впервые встретив меня после долгой разлуки?

Конечно же, ничего приятного. Она насмешливо скользнула взглядом по моей сушеной фигурке и томным голосом проворковала: "сколько лет, сколько зим, а ты все такая же"

Вот вам и торжественное явление народу.

Тьфу, расстройство одно. Глаза б мои ее не видели, но по нелепому стечению обстоятельств, она сейчас встречается с Семеном, а Сэм – брат Таськи. Вот и приходится нам с ней в одной компании общаться.

Ладно, она вроде немного поумнела, повзрослела и перестала меня цеплять, хотя нет-нет, да и отпустит какую-нибудь ядовитую шпильку в мой адрес. Правда, я теперь не от-

малчиваюсь как в школе, а даю сдачи не скупясь. Уж чем-чем, а словом бить научилась. Осознав этот факт, Марика надела маску восторженной подруги и теперь при встрече дарила мне океан улыбок. Таких же глупых и фальшивых, как и она сама.

Машина тем временем подъехала к крыльцу и остановилась. Таська выскочила первой и принялась вытаскивать из багажника огромные пакеты. Молодец подружка, знает, что у меня всегда шаром покати. Как говорится, хочешь есть – вези с собой.

Наконец из машины выбрались все остальные. Вадим – нынешний кавалер Таисии, Руслан – его брат, Сэм, ну и конечно же она, звезда пленительного счастья. В ярко-красном, обтягивающем комбинеzone. Как только не сварилась в таком наряде? Май на улице, духотища, жарища, а она вся синтетикой обтянулась.

Дружной гурьбой они завалились в мой дом. Мы поприветствовали друг друга, и тут из-за спин парней выскочила подруга.

– Васена, привет! – завопила Таська и бросилась мне на шею, как всегда забыв о том, что на мне корсет. Перед глазами заплясали разноцветные бабочки, и я не смогла удержать вымученный стон.

– Ой, прости, прости, прости, – затараторила она, – я опять обо всем забыла!

– Ничего страшного, – выдавила из себя, с трудом переведя дух.

Она еще раз чмокнула меня в щеку и отправилась на кухню, командуя парнями, покорно несущими пакеты с провизией.

Мы остались вдвоем с Власовой. Я смогла рассмотреть вблизи ее наряд. Красная, слегка мерцающая ткань обтягивала длинные ноги, плоский живот, а красиво-драпированное декольте подчеркивало грудь. Эх, вот если бы в таком виде вернулась, они все бы дар речи потеряли.

Мы друг другу улыбнулись, с наигранным радушием поинтересовались как дела, обсудили погоду. На этом наш диалог завял. Ну, не о чем нам с ней было говорить, ни общих интересов, ни точек пересечения.

С кухни донесся грохот падающих кастрюль, и я, возблагодарив небеса, за повод покинуть ее компанию, бросилась к остальным.

Ну, как бросилась... медленно развернулась и поковыляла, кряхтя, прихрамывая и держась за левый бок, который нещадно ныл после пламенных таськиных объятий.

Через полчаса наша дружная компания расположилась в гостиной.

Я, как хозяйка, сидела в большом удобном кресле. Второе кресло отвоевали себе Таисия с Вадимом, а на диване устроились все остальные.

На журнальном столике, расположенном аккурат между креслами и диваном были выставлены блюда. Плов, салаты, огромная пицца, ледяной лимонад и пиво для желающих.

Выглядело и пахло все это настолько аппетитно, что даже я, утратившая после операции всякий интерес к еде, не смогла устоять и понемногу попробовала все.

Руслан рассказывал какую-то забавную историю, и мы все дружно смеялись. Как ни странно, несмотря на внутреннюю скованность из-за неприглядного внешнего вида, в этой компании я чувствовала себя комфортно. Таисия – лучшая подруга. Сэм как ее брат относился ко мне тепло. Вадима мой дивный образ не испугал – у него самого отец такой корсет носил, так что он отнесся с пониманием, а Вадим сам по себе был добрым, открытым парнем, которому даже в голову не придет глумиться над убогими. Вот кто меня непрестанно напрягал, так это Марика. Сидит, вся такая из себя, нога на ногу, ногти в цвет комбинезона. Каждую свою фразу роняет с таким видом, будто алмазами нас одарила.

– В общем, после того случая, я весь следующий день ползал на коленях и отмывал кабинет, – закончил Руслан под всеобщий смех.

– Зачем надо было это делать самому? – лениво, с кошачьими интонациями поинтересовалась Власова.

– Интересно, кто бы согласился это сделать за меня? – хмыкнул парень, отправляя в рот кусок пиццы.

– Например, тот, чье согласие и не требуется.

Руслан аж подавился, услышав ее слова:

– Ты намекаешь на рабов?

– Почему намекаю? Прямо говорю. Зачем делать самому неприятную работу, когда есть те, кто могут сделать ее вместо тебя.

– Потому что это был мой косяк, и исправлять последствия должен был я, а не кто-то другой.

– По-моему, глупости, – промурлыкала она, а потом, мило улыбаясь, поинтересовалась, – а ты Вась, что думаешь по этому поводу? У твоего отца, насколько я знаю, есть рабы.

Я замерла с ложкой поднесенной ко рту. Вот гадина! Это была большая, запретная тема для меня. Мать развелась с отцом и увезла меня с Ви-Эйры именно из-за этого. Она не хотела, чтобы ее дочь продолжала жить в такой обстановке. Мне кажется, она не хотела, чтобы со временем я превратилась в такую же стерву как Марика, относящуюся к рабству как к чему-то само-собой разумеющемуся.

Именно здесь, в Северном Округе Ви-Эйры, единственном месте во всей галактике, рабство было официально разрешено, и его никто не собирался отменять, несмотря на все усилия борцов за права человека. Нет, здесь этим тоже не злоупотребляли. Подавляющее большинство жителей обходились без рабов, но все-таки существовали и те, кому такой устой приходился по душе. Например, семья Марики. Насколько мне известно, у них больше десятка рабов. Они делают всю работу по дому, а злые языки поговаривают, что ее

папочка специально выбирает молодых и красивых рабынь, для определенных целей. Или мой отец, использующий рабскую силу на своей ферме. А что? Дешево и сердито, один раз потратился на приобретение двуногого скота и дальше никаких вложений, кормить только не забывай, чтоб от голода не подохли, да прививки вовремя делай, чтоб зараза не подкосила.

– Я считаю, что Руслан прав, – ответила достаточно грубо, смерив ее презрительным взглядом. К сожалению, благодаря толстым линзам в очках, картина получилась смазанной, и Власова совершенно не прониклась. Она лишь одарила меня улыбочкой из разряда "ну кто бы сомневался", а потом продолжила:

– Ерунда. Рабы существуют, для того, чтобы облегчать жизнь хозяевам. Кстати, почему ты на время реабилитации, не попросишь у отца парочку в личное пользование, да хотя бы одного.

– Зачем? – изо всех сил стараюсь держаться спокойно и не выпустить ядовитые клыки.

– Как зачем? Представляешь, насколько проще стало бы твое существование! – она интонацией выделила последнее слово, – за тебя бы готовили, убирались, все делали. Тебе бы оставалось только отдыхать и отдавать приказы.

Ситуацию спасла Таська, почувствовавшая, что я сейчас выскажу наглой гостье все, что о ней думаю:

– Марика! Что ты пристала со своими рабами? Не всем

они нужны. У нашей семьи, например, их никогда не было и не будет. Всегда можно нанять рабочих, которые сделают все что нужно, качественно и квалифицированно.

– Рабов тоже можно научить, – не сдавала своих позиций белобрысая, одаривая мою подругу снисходительной улыбкой, – уверяю, они даже трепетнее относятся к своим обязанностям, чем вольнонаемные.

– Конечно! – всплеснула руками Таська, – потому что знают, что за неповиновение, непослушание, да вообще за любой огрех их ждет наказание! Порка, голодный паек, или еще что-нибудь похуже! Слышала, что новые браслеты больше десятка способов болевого воздействия дают.

– Это старые браслеты, – ухмыльнулась Власова, – у новых двадцать пять функций. Можно вызвать слепоту, рвоту, имитировать порку с помощью различных приспособлений.

– Это ужасно!

– Что такого? Если они тупы и ленивы, то их надо наказывать. А объяснять по сто раз очевидные вещи, утомляет. Проще выпороть и дело с концом, сразу и тупость и лень проходят. Они все равно по-другому не понимают.

Чувствую, как сердце сбилось со своего привычного ритма, затрепыхалось, заметалось в груди. Ой-ой-ой, пора с этой темой завязывать, пока мне совсем плохо не стало. Накинув на себя маску спокойствия, я вклинилась в их разговор:

– До каждого человека можно достучаться, можно объяснить любую вещь, можно найти общий язык и неважно, сво-

бодный это человек или уроденный раб. Для этого просто надо иметь чуточку терпения, такта. Уметь разговаривать и чувствовать собеседника.

– О, у нас тут дипломированные психологи? – красивая, подкрашенная бровь вопросительно изогнулась.

– Нет, отнюдь. Я просто уверена, что достучаться можно до каждого, а если это не получается, значит, проблему надо искать в себе.

– Правда? И какие же проблемы надо искать в себе?

– Наверное, стоит начать с глупости, жестокости и извращенного желания самоутвердиться за счет других. Потом покопаться в поисках скрытых комплексов, банальной лени и распушенности, – все это я проговорила с дежурной улыбкой на губах, отстраненно. Будто рассуждаю об этой проблеме в общем, а не перечисляю недостатки одной конкретной белобрысой особы, сидящей напротив.

Парни, в это время обсуждавшие между собой историю Руслана, засмеялись над какой-то шуткой, Таська сделала вид, что не поняла скрытого смысла в моих словах, а Марика с трудом удержала приветливую маску на своем лице. Хотя, даю руку на отсечение, в глубине серых, ярко накрашенных глаз полыхнула ярость.

Я потянулась к пицце, всем своим видом показывая, что занята выбором вкусного кусочка, кожей чувствуя на себе ее злой взгляд. Эх, чувствую, ненадолго хватит моей выдержки и ее напускного дружелюбия. Сцепимся мы с ней когда-ни-

будь по-настоящему!

Только корсет сначала надо снять, а там уж посмотрим кто кого.

Таисия ловко перенаправила разговор в другое русло, и обстановка снова стала мирной. Только если честно, я внезапно поняла, что бесконечно устала. Что гости это хорошо, но ненадолго. Мне грезилось, что они все сейчас соберутся и дружной толпой покинут мой дом (предварительно помыв за собой посуду), и я смогу растянуться на диване, включить телевизор и бездумно переключать каналы до самого вечера. Мечтательница. Никто никуда не торопился уходить, разве что Марика после нашей тихой стычки все меньше участвовала в разговорах, нетерпеливо постукивая аккуратными ноготками по подлокотнику и кидая откровенные взгляды на электронные часы.

Я в недоумении пожала плечами. Зачем она вообще пришла сегодня, если мое присутствие ее тяготит? Пережил бы Семен денек без ее царской особы. Уж не думаю, что она боится отпускать его одного на дружеские посиделки, тем более к такой "принцессе" как я.

Сердечко, все никак не хотело успокаиваться, во рту противно пересохло, и я поняла, что если сейчас не попою обычной, холодной воды, то мне станет совсем дурно.

Извинившись перед гостями, я медленно поднялась с кресла и побрела на кухню. Там, после приготовления большого обеда, царил форменный беспорядок. Кастрюли, ско-

вородки, тарелки, лопатки, ложки, вилки. С моей спиной проще все выкинуть, чем мыть и убирать. Черт, ни одного не отпущу, пока мне порядок не наведут!

Пребывая в тяжких думах, достала из шкафчика кружку, налила холодной водички и с удовольствием сделала несколько глотков, чувствуя, как мне становится легче. Вот чего я так завелась? Надо было промолчать, Марика бы позубоскалила и отстала с этой темой, а так получилось, что сама себя накрутила.

Хотя знаю, почему так остро отреагировала. Никак не могу простить отца, за то, что он, не стал слушать мольбы матери и не продал своих рабов. Он считал, что она никуда от него не денется, ведь столько лет молча терпела, оставаясь рядом с ним. Думал, но ошибся. Мама собралась и так же молча покинула его дом, прихватив меня с собой. Я видела, как она страдает, переживает из-за распада семьи, льет слезы по ночам, пытаюсь убедить меня, что это все из-за смены климата. В тот момент я разозлилась на отца. Если бы не эти чертовы рабы, наша семья была бы полной!

Он несколько раз пытался с ней поговорить и убедить вернуться обратно, но мама была непреклонной. Вернемся, только если уберешь рабов. Так она повторяла на каждой встрече. И он отступил, по-видимому, решив, что привычный устой и организация дел важнее жены и дочери. Они развелись, и мы совершенно перестали общаться. Единственным напоминанием о его существовании стал чек, ис-

правно приходящий каждый месяц.

– Вась, – раздался голос подруги за спиной, отвлекший меня от неприятных мыслей.

Я повернулась к Тасе лицом.

– Ты бледная, – констатировала она очевидный факт, – тебе плохо?

– Нет, все хорошо, – я покачала головой, – устала просто.

– Хочешь, что бы мы ушли?

– Нет, что ты...

– Да брось притворяться. Все взрослые люди.

– Послушай, мне очень неудобно, но я мечтаю прилечь.

– А чего неудобного? Ты тут никому ничего не должна, надо было сразу сказать.

– Неудобно, – как попугай повторила я.

– Глупости, тебе в первую очередь о своем удобстве надо думать, – она махнула рукой, – я сейчас всех уведу.

Она ринулась из кухни, но на пороге притормозила, обернулась и, оценив масштабы беспорядка, хмыкнула.

Не знаю, что она им там сказала, но через пять минут все пришло в движение. Таська с Вадимом прискакали наводить порядок, Руслан покорно переносил все из комнаты в кухню. Сэм расставлял мебель. И только Власова с невозмутимым видом королевы, сидела на высоком стуле рядом с барной стойкой, расположенной в гостиной.

Ну и черт с ней!

Когда вся посуда была перемыта, мусор убран, порядок

наведен, компания потихоньку направилась в сторону выхода. Выяснилось, что Таисия их выманила, позвав в кино на новый блок-бастер. Эх, я бы тоже с удовольствием сходила, да сил действительно нет.

Когда они все уже стояли у самого выхода, раздалась трель видеофона, висевшего на стене недалеко от двери. Мелодия успела повториться, прежде чем я смогла доковылять до него, и нажать кнопку ответа. На экране появился Ник. Как всегда бодрый и веселый:

– Чу, привет!– он радостно замахал мне рукой, и я как блаженная растеклась в улыбке.

– Привет, Никит.

Чу – это моя кличка. Сначала мне это не нравилось, а потом как-то свыклась. По-сравнению с тем, какие прозвища мне выдумывала Марика в школе, Чу звучит ласково и нежно. Особенно от близких друзей.

Тут он заметил притихших гостей:

– Всем привет, – улыбнулся он, хотя кроме Таськи никого не знал.

Таисия послала ему воздушный поцелуй, он сделал вид, что ловит его и прячет в кармашек.

– Слушай, тут такое дело, – начал он, запустив пятерню в свои густые темные волосы, – я не смогу прилететь к тебе в эти выходные. С работы не отпустили, сказали, что я и так скоро в отпуск уйду, сама знаешь когда.

Я удивленно уставилась на него:

– Первый раз слышу, что ты вообще собирался прилетать.

Теперь уже он смотрел на меня с некоторой долей удивления:

– Прекрасная моя королевишна, – вкрадчиво произнес он, – а ты не забыла, что через два дня у госпожи Чураковой, то есть у тебя, День Рождения?

Я прикрыла глаза и поморщилась.

– Хм, значит, все-таки забыла, – усмехнулся парень, качая головой, а потом обратился к Таисии маячившей у меня за спиной, – Тась, хоть ты не забудь, а то так и просидит дома.

– Не волнуйся, не забуду, – убедила его подруга.

– Выведи ее куда-нибудь повеселиться, – отдавал он указания, игнорируя мой возмущенный вид.

– Не надо меня никуда выводить! – запротестовала я, – у меня пока не то состояние, чтобы развлекаться!

– Нормальное у тебя состояние, хватит уже валяться. Тась, в общем, десятого вытащи ее из дома, чего бы тебе это не стоило. Можешь даже связать и по земле волоочь за ноги!

– Справлюсь, – захихикала подружка.

– И подарите ей кто-нибудь кота, – пошутил Ник, вызвав у меня волну негодования.

– Не надо мне никаких котов!

– Надо-надо, – со смехом глядя на мою сердитую физиономию, ответил парень, – ладно, мне пора бежать. Я тебя позже наберу, надо будет обсудить некоторые рабочие моменты.

Я кивнула, и он, подмигнув, отключился. Балбес. Мой лучший друг, мой напарник.

Я обернулась к остальным. Ребята уже распахнули входную дверь и теперь по одному выходили на улицу. Последней шла Власова.

Остановившись на самом пороге, она обернулась и посмотрела на меня:

– Значит, котенка тебе подарить? – усмехнулась девушка.

– Он пошутил, – отмахнулась я, раздраженная тем, что она никак не оставит меня в покое.

– Хм, будет тебе котенок, – многообещающе произнесла она, проигнорировав мои последние слова, после чего развернулась и с самодовольным видом ушла, оставив меня в глубоком раздражении и с нехорошими предчувствиями.

Вот Ник, паразит, не мог без своих шуточек обойтись!? С этой ведь станется! Возьмет и действительно притащит назло мне мохнатый комок проблем! Что я с ним буду делать? Мне за собой-то тяжело ухаживать, а тут если еще живое существо подарят...

Громко и некрасиво ругнулась, пользуясь тем, что в доме никого кроме меня не осталось.

Ладно, будем надеяться на то, что из дырявой головы Марики мысль о том, что надо подарить мне кота, очень быстро вытиснится грезами о новых сумках, платьях и бусиках.

Глава 2

Тимур

Тусклый голубоватый свет освещал длинное узкое посещение с низким потолком. Здесь было тепло, чисто и на удивление спокойно. Как в больнице.

Прямой узкий коридор стрелой пересекал все помещение от входной двери с одной стороны, до выхода в подсобные помещения и санблок с другой. По обе стороны от него располагались крошечные боксы, огороженные толстым, удароустойчивым оргстеклом. Метр в ширину, два в длину, вот и все свободное пространство.

Почти все боксы были пусты, лишь в некоторых находились люди. Кто-то спал, отвернувшись к стенке, мечтая хоть как-то уединиться в этом аквариуме, кто-то ходил кругами, будто это бесконечное блуждание могло вывести их прочь из этой трясины.

Недалеко от выхода, в пятом или шестом боксе, привалившись спиной к холодной стене, сидел человек, головой уткнувшись в согнутые и прижатые к себе колени. Полунагой, в одних серых, потертых типовых штанах, худой как палка. Темные всклокоченные волосы доставали до плеч, а на лице красовалась далеко не трехдневная щетина.

Раздался скрип входной двери, и он непроизвольно под-

нял взгляд, ведь каждый из посетителей этого странного места мог стать его судьбой, его головной болью. Его хозяином.

Всего лишь смотритель. Пока можно выдохнуть.

Тимур устало потер лицо рукой и тяжело вздохнул. Как же все осточертело! Боксы эти, в которых сидишь словно пирог на витрине, надзиратели, хозяева. Вся эта чертова жизнь надоела. Каторга. Да что там каторга, чистилище! В котором он вынужден барахтаться уже третий год.

Как всегда в минуты затишья, в голове сам собой рождался вопрос. Кто виноват? И каждый раз ответ оставался неутешительным. Виноват он сам и больше никто.

Виноват в том, что повел себя беспечно, что не просчитал возможные действия других людей, возможные последствия. Вот она, расплата за халатность. Три года на этой проклятой Ви-Эйре, кочуя от одного хозяина к другому, подыхая то от непосильной работы, то от побоев. И никакого про света впереди, никакой возможности дать знать о себе. Тот, кто его сюда отправил, хорошо постарался. Наложил столько нейронных запретов, что даже если свое настоящее имя попробуешь назвать, то мозги чуть ли не закипают, отказываясь давать нужную команду. Сколько раз он видел перед собой видеофон – ключ к свободе. Ведь стоит только добратся до него, нажать нужный номер и связаться со своими, как все эти мучения закончатся – за ним прилетят и заберут из этого ада. И нет ничего страшнее, когда стоишь в шаге от

свободы, и нет возможности даже руку протянуть.

Он уперся затылком в стену и прикрыл глаза. Его неприятель хорошо постарался, подготавливая липовые документы. Кто он теперь? Уроженец Ви-Эйры, потомственный раб, с идиотской кличкой вместо имени. Тимура Барсадова вроде как больше и нет, пропал без вести на просторах галактики, зато есть Барсик.

Барсик!

С*ка!

Это же надо иметь настолько извращенное чувство юмора, чтобы додуматься до такого! Хотя причем тут юмор? Тонкий психологический расчет, да и только. Отличный способ унизить еще сильнее.

Черт, только бы выбраться из этого сумасшествия и не подохнуть раньше времени! Он опустил взгляд на свое правое предплечье, на котором красовалась большая рабская татуировка. Нелепое нагромождение ромбов, кругов и изломанных линий. Словно какой-то шутник попытался выгравировать на коже подобие микросхемы. Еще месяц она была такая же как у всех – темно синяя, зато теперь яркая, фиолетовая, припухшая и воспаленная. Все из-за того, что не удержался и напал на прежнего хозяина. Выдержка подвела, и прежде чем успел сообразить, что делает, сработали рефлекс, отточенные годами. И, Бог свидетель, если бы не надсмотрщик, вовремя откинувший его сторону, то он свернул бы толстую жирную шею этому борову. После такого его, ко-

нечно, высекли так, что душа еле в теле удержалась, что не было сил пошевелиться, а каждое мало-мальское движение разрывалось фейерверком боли и изломанном теле. Думал все, конец, не выкарабкается, помрет в темном подвале, забытый всеми на свете. И даже испытывал малодушную радость, от того, что все это, наконец, закончится.

Выжил. Как и десятки раз до этого. Тренированное тело так просто не собиралось сдаваться.

Если честно, за нападение ждал мучительной расправы, но его в очередной раз продали. Наверное, прежний хозяин решил, что с паршивой овцы хоть шерсти клок. Сдали в Центр, по дешевке. Здесь обновили татуировку. Фиолетовый – значит раб несдержан, опасен, агрессивен, асоциален, неадекватен и т.д. и т.п., продолжать можно до бесконечности. Впрочем, обновили не только обложку, но и содержимое. Новый нейронный зонд, который блуждал по венам, контролируя поведение. Теперь, если даже он просто подумает о том, чтобы причинить вред законному хозяину, зонд пошлет болевые импульсы. Чем сильнее хочешь навредить, тем больнее. А если не удержишься и сделаешь, хотя бы одно угрожающее движение, все, прощайте мозги, здравствуй жизнь овоща! И браслет ему теперь полагается с самой высокой степенью контроля.

Тим надсадно вздохнул. С его характером долго в рабах не проходишь. Или побоями добьют, или сам себе мозги изжаришь, представляя, как откручиваешь голову какому-ни-

будь зажавшемся ублюдку.

Он скользнул взглядом по другим боксам. Почти никого. Большую часть рабов разобрали вчера, остался только он, да еще десятка полтора таких же бедолаг.

Фиолетовые цифры на руке отпугнули от него всех потенциальных хозяев. Конечно, кому нужно держать при себе такого типа?хлопот много, глаз да глаз нужен. Вот и обходили его нишу стороной.

Пусть. Есть время передохнуть, немного прийти в себя.

Черт, как жрать-то хочется! Государство экономит на таких как он. Скучный завтрак утром, чтобы смог дотянуть до вечера, а там еще такая же порция баланды, от одного запаха которой мутит.

Хуже голода была только жажда. Надсмотрщик должен был каждые четыре часа проходить и выдавать кружку мутной, теплой воды, но иногда ему было лень. И он мог пройти через пять часов, шесть, а то и вообще полностью пропустить один из обходов.

Снова раздался скрип двери, и он опять не смог удержаться, повернулся на этот звук.

На пороге Центра появился мужчина. Низкого роста, коренастый, одетый в спецовку. Квадратный подбородок, тяжелый взгляд из-под кустистых бровей и кулаки как наковальни.

Тим скрипнул зубами, втянул и без того впалый живот и ссутулился, стараясь казаться еще худее, изнеможеннее.

Он поменял уже столько хозяев, что с первого взгляда мог сказать, что его ожидало. Этот грубоватый мужик наверняка владелец какой-нибудь каменоломни, или шахты, или еще чего-то подобного, и искал он крепких, сильных парней для тяжелой работы.

Он помнил, каково это, когда не можешь разогнуться от неподъемной тяжести, руки сбиты, мышцы на пределе своих возможностей. Он это уже проходил. Три месяца адского труда. И что в итоге? Непрестанный кашель от постоянной пыли, вечно слезящиеся глаза, ведь никто не собирается снабжать рабов дополнительными средствами защиты. Негнущиеся ноги, сорванная спина и страх, что не сможешь ходить.

Тогда его тоже предпочли быстро продать, пока еще можно было хоть что-то получить. И он снова выкарабкался.

Нет уж, хватит! Больше такого счастья ему не надо.

Он сидел, сгорбившись, украдкой бросая настороженные взгляды из-под взлохмаченных волос. Мужик прохаживался по коридору, рассматривая живой товар. На минуту остановился возле его бокса, пренебрежительно мотнул головой и направился дальше.

"Давай, давай, вали!" – мысленно послал его Тим и снова повернулся к распахнувшейся двери.

Теперь внутрь зашли три человека. Пожилая семейная пара и разряженная блондинка.

Старики, держась под руку, неторопливо пошли вперед,

спокойно осматриваясь по сторонам.

Вот это уже было интересно. Такие люди обычно брали себе рабов для выполнения домашних работ, поскольку самим все эти хлопоты уже были в тягость. Это он тоже успел попробовать, и мог сказать с абсолютной уверенностью, что лучшего варианта сложно придумать. Не меньше года он продержался у такого хозяина. Жил на ферме, спал в подсобке, стриг газоны, чинил заборы, поддерживал дом в порядке. За все время его ни разу не ударили, не оскорбили. При этом исправно кормили и даже порой вели доверительные беседы. Правда, все это оборвалось весьма внезапно. Сердечный приступ у хозяина.

На этом спокойная, сытая жизнь закончилась.

Сейчас Тим постарался придать себе расслабленный мирный вид, надеясь, что именно на него падет их выбор.

Пожилая женщина первая подошла к его «вольеру» и стала рассматривать:

– Как насчет этого?– с сомнением в голосе поинтересовалась она, кивая в его сторону.

Супруг подошел ближе и, как-то по-птичьи нагнув голову в бок, уставился на него выцветшими от времени глазами.

– Вроде ничего, только уж больно худой,– проворчал он.

– Так откормим. Пара недель и будет как новый.

Да, да, да! Возьмите меня к себе и откормите!

Семейная чета приступила к обсуждению, а он сидел, не шевелясь, боясь спугнуть удачу. Только бы забрали, только

бы забрали.

Тишину центра нарушали лишь перешептывания стариков, треск одной из ламп и цокот каблучков блондинки.

– Смотри-ка, его Барсик зовут, – с умилением произнесла старушка, прочитав его имя на электронном табло.

– Барсик? Что за дурацкое имя?

– Дорогой, ну давай его возьмем!

– Может, остальных сначала посмотрим? – дед все еще сомневался, и Тимуру оставалось только надеяться, что старушке удастся его уговорить.

– Ой, а что это у него такое на руке? – удивленно спросила она, подслеповато щурясь.

– Где?

– Да вон, где обычно татуировка!

– Не вижу. Парень подними-ка руку.

Тим от досады скрипнул зубами, но выполнил то, что от него требовали. Он поднял правую руку так, чтобы они смогли рассмотреть татуировку.

– О-о-о, – разочарованно протянула пожилая женщина, – фиолетовая.

– Такой нам точно не нужен, придушит еще пока спать будем.

Пожилая чета пошла дальше, а Тимур еле удержался от того, чтобы не ударить кулаком по стеклу. Такой шанс прошел мимо!

Закрыв глаза, он снова привалился спиной к стене, пыта-

ьясь унять внутреннее разочарование.

Цокот каблучков медленно приблизился к его боксу и за- тих. Тим кожей почувствовал чей-то пристальный изучаю- щий взгляд. Внутри, темной змеей, шевельнулись нехоро- шие предчувствия. Он приоткрыл один глаз и покосился в сторону стоящего неподалеку человека.

Первое на что наткнулся его взгляд – туфли, безусловно дорогие, красные на высоких шпильках.

Почему-то вспомнилась фраза отца: "чем выше шпилька, тем стервознее баба".

Сердце немного ускорило темп, а взгляд начал медленно подниматься выше. Загорелые, гладкие стройные икры.

Плохо.

Красная, обтягивающая юбка до колен. Настолько узкая, что кажется, стоит ее обладательнице нагнуться и на распол- зется по швам.

Очень плохо.

Блузка цвета слоновой кости и маленькая сумочка, вися- щая на локте.

Взгляд еще выше. Красивое ожерелье на длинной изящ- ной шее, губы, подведенные красной яркой помадой.

Совсем плохо.

Вскинул взгляд еще выше и быстро опустил. Рабам не по- ложено открыто рассматривать свободных. Однако того, что он увидел, хватило, чтобы внутренности свело в тугой узел.

Холеная, красивая девка, с наглыми оценивающими гла-

зами.

Полный п***ц!

Если кто-то думает, что работа в шахтах или на стройке самая страшная, то он чертовски ошибется! Нет ничего хуже, чем попасть в когти к такой вот дряни. Ни один каторжный труд не сравнится с тем, когда танцуют на твоём мужском самолюбии, превращают в комнатного песика, который должен по первому требованию хозяйки исполнять все прихоти: приносить тапочки, мыть посуду, ублажать в постели. Хочешь, не хочешь, а будь готов в любую минуту. И к обычному страху перед хозяином добавляется страх облажаться. Ведь тогда по твоей гордости проедут таким катком, что сам на себя в зеркало смотреть не сможешь.

Он уже был у таких хозяек. И не единожды. И нет никакой разницы, красивая ли она, как вот эта белобрысая, или жирная дряхлеющая тетка, покрытая толстым слоем целлюлита. Абсолютно никакой разницы. И каждый день с ужасом думаешь, вдруг сегодня не справишься, вдруг не сможешь пересилить отвращение, вдруг тело подведет. В голову закрадываются мысли, что лучше бы тебя пристрелили, чем вот так использовали в качестве постельной грелки.

Он зажмурился, мысленно повторяя: "Уходи, пожалуйста, уходи. Найди себе другую игрушку. Уходи".

Блондинка и не думала уходить. Она по-прежнему стояла рядом с его боксом и беззастенчиво рассматривала молодого раба.

Тимуру хотелось выть от отчаяния. Ну что она на него уставилась? Сейчас ну никак не назовешь его симпатичным. Тощий, лохматый, бородатый. Только кожа да кости остались. И при всем желании в нем невозможно было рассмотреть хоть сколько-нибудь привлекательного парня.

– Барсик значит? – непонятно, то ли вопрос, то ли утверждение.

Он весь сжался, не зная чего ожидать от этой белокурой бестии.

– Парень, похоже это судьба, – хмыкнула она и сделала жест надсмотрщику.

Тот, с милой улыбочкой, проворно подскочил к ней:

– Чем могу помочь?

– Хочу вот этого поближе посмотреть.

"Не-е-е-ет! Твою ж мать, нет! Только не это! Только не снова! Пожалуйста! Мужик с шахты вернись! Я сильный, я просто нереально сильный. Я буду тебе день и ночь валуны ворочать, только забери меня от этой твари! Умоляю!" – Тим почувствовал, что его начинает трясти.

Надсмотрщик тем временем открыл бок и бросил короткое "на выход".

Тимур зажмурился еще сильнее, и на какой-то миг показалось, что все это дурной сон, что он сейчас проснется и окажется у себя дома, за миллионы километров от Ви-эйры и этой блондинки.

– Оглох? – резкий оклик заставил вздрогнуть, подобрать-

ся и начать медленно вставать. В груди сердце билось так, словно пробежал марафонскую дистанцию. Все внутри ходило ходуном и пришлось сжать руки в кулаки, чтобы никто не заметил, как они мелко подрагивают.

Втянув шею и глядя себе под ноги, он сделал несколько шагов и остановился перед потенциальной хозяйкой. Она обошла вокруг него, рассматривая со всех сторон, словно он был не человеком, а музейным экспонатом. Кошачья походка и пренебрежительный взгляд заставляли еще сильнее съеживаться. Когда же он почувствовал, как к битой спине прикасается острый ноготь, то не смог сдержаться и вздрогнул.

– Вижу, его много секли, – задумчиво произнесла она.

– Еще бы. У него фиолетовый уровень.

– Даже так, – протянула девица, еще раз обходя вокруг него, – а с виду и не скажешь, вроде заморыш какой-то.

Да-да, заморыш! Загони меня обратно в клетку и иди выбирай себе другую жертву – захотелось крикнуть ей в лицо, но вместо этого он стоял покорно уставившись в пол.

– Голову подними, – тоном, не терпящим возражений, произнесла блондинка. Судя по интонации управляться с рабами ей не впервой. Интересно скольких она раздавила, превратив в покорные игрушки?

Тим механически поднял голову, продолжая смотреть куда угодно, но только не на нее.

– На меня посмотри!

С*ка!

С тяжелым взглядом Тимур посмотрел на ее лицо, пытаюсь не показать своего страха. Если она его заметит, то будет только хуже. Страх спрятать удалось, а вот презрение никуда не хотело прятаться. Будь что будет, – как-то отрешенно подумал он, не разрывая зрительного контакта.

Неизвестно, что именно она рассмотрела в глубине его глаз, только яркие красные губы изогнулись в совсем недоброй, предвкушающей ухмылке, и Тим услышал слова, от которых все внутри похолодело:

– Он подходит. Я его беру.

Пожалуйста, не надо!

– Вы уверены? – сомнением спросил надсмотрщик, бесцеремонно схватив его за руку, и поворачивая ее таким образом, чтобы гостья смогла рассмотреть припухшую красную кожу с фиолетовым рисунком.

– Хм, красиво, – она с интересом рассматривала его предплечье, и на какую-то долю секунды Тим поверил, что она сейчас передумает, оставит его в покое. Однако мечтам было не суждено сбыться, тишину прорезал ее голос: – что ж, так даже интереснее. Оформляйте.

Надсмотрщик отступил на шаг в сторону, пропуская вперед девушку, затем подтолкнул вперед раздавленного Тима, и сам пристроился следом.

Парень шел за своей новой головной болью, сжимая зубы так сильно, что кажется будто, еще чуть-чуть, и они раскрошатся в пыль.

Идет впереди, вся такая гордая, как королева. Спина прямая, как палка, походка от бедра. Упругая задница, обтянутая красной материей, плавно покачивается из стороны в сторону. Только Тимуру было плевать. Он шел следом, механически оперевшись глазом в ее пятую точку, и пытаюсь справиться с ужасом, расплзающимся внутри него. Не в силах поверить в происходящее, он тряхнул головой.

Ведь как спокойно начинался день! Кто же знал, что судьба в очередной раз закинет его в логово к змее. Черт, лучше сразу подохнуть, чем заново пройти через весь этот кошмар.

А может придушить ее, и дело с концом? За второе нападение на хозяина его точно ждет смертная казнь.

При мыслях о том, как легко он мог бы свернуть ей шею, Тимур почувствовал, как из глубины головы, огненным вихрем вырывается боль. Проклятый зонд! С трудом, силой воли смог удержать себя в сознании и не упасть.

– Под ноги смотри, – надсмотрщик, решивший, что раб просто споткнулся, чувствительно толкнул его в спину.

– Извините, – промямлил Тим, задыхаясь от безысходности.

Они покинули помещение с боксами и оказались в небольшом, уютно обставленном офисе. Здесь все было приспособлено для удобства гостей. Перед огромным телевизором мягкий диван, на котором клиент может отдохнуть после утомительного осмотра живого товара. Кофе-машина, куллер с водой, при взгляде на который жажды вспыхнула с

новой силой.

Они подошли к стойке регистрации. Надсмотрщик любезно раскланялся и удалился на свое рабочее место, а блондинка начала подписывать какие-то бумаги.

Парень отрешенно наблюдал за тем, как она заполнила несколько бумажных форм, поставив в конце размашистую подпись.

Девушка, которая занималась оформлением документов, выложила перед блондинкой небольшой предмет, похожий на брелок от автомобиля:

– Приложите, пожалуйста, большой палец, чтобы подтвердить сделку и закрепить право собственности, – сладким голосом пропела она.

– Нет, нет, – блондинка аккуратно отодвинула брелок в сторону, – я беру его в подарок.

Подарок? Тимур почувствовал, словно кувалдой с размаху ударили в солнечное сплетение. Вот так просто, взяла живого человека в подарок? Что за люди такие?!

– Эммм, – протянула менеджер, – я обязана вас предупредить, что при покупке раба в подарок, без сиюминутного подтверждения сделки его цена возрастает в полтора раза.

– Ничего страшного, – эта зараза даже бровью не повела, – оставьте скан-чип в активированном виде и положите его пожалуйста в эту упаковку.

Она извлекла из сумки маленькую коробочку салатово-розового цвета, такого размера, что она идеально подо-

дила к брелку.

Менеджер аккуратно, чтобы ненароком не нажать на экран положила электронное приспособление в коробочку. Блондинка удовлетворенно кивнула и извлекла из недр сумочки еще одну коробочку, чуть побольше.

Девушка тем временем выложил на прилавок три разных браслета: темно-синий, простой черный и серебристый.

При взгляде на эти "украшения" у Тима перехватило дыхание и возникло практически непреодолимое желание развернуться и бежать без оглядки до тех пор, пока силы не покинут его.

– Что это? – брезгливо спросила блондинка.

– Браслеты для управления рабом, вам только надо...

– Кому нужно это старье? Есть новые модели?

– Да, но их стоимость... – начала было менеджер.

– Их стоимость меня не волнует, – равнодушно ответила покупательница.

Тимур наблюдал, как она без капли колебаний выбирает для него браслет стоимостью с него самого. Он еле смог удержаться и не отдернуть руку, когда почувствовал, как на запястье сжимаются металлические оковы, и все тело словно пронзают крошечные электрические разряды. Зонд и браслет синхронизировались. Теперь при помощи этого "украшения" ему можно было отдавать абсолютные приказы, такие, что он не сможет нарушить, даже если будет стараться изо всех сил. Можно заставить всю ночь стоять на одной но-

ге, и он не шелохнется. Хотя хозяева такой глупостью не занимаются, у них более изощренные наказания.

– Теперь снимите, оставьте включенным, и положите его в эту коробочку, – отдала она распоряжение, нетерпеливо поглядывая на часы, – и можно чуть побыстрее, нас уже ждут!

Девушка, оформлявшая сделку, засуетилась, и от этого у нее начало все валиться из рук. Тимур отрешенно наблюдал за ее мучениями, до сих пор не веря в происходящее. Он-то думал, что попал в когти к озабоченной дамочке, а оказалось все еще хуже! Его выбрали в подарок! Для такой же белобрысой, зажавшейся сучки, как и эта гадина, обтянувшая свой зад красной юбкой!

Наконец браслет тоже был упакован, деньги за него переведены и теперь можно было уходить. Продавщица выложила на стол комплект типовой сине-серой грубой одежды: брюки и бесформенная рубашка с коротким рукавом.

Блондинка опять недовольно поморщилась и одним пальцем отодвинула стопку в сторону:

– Мне нужна одежда такая одежда, чтобы от него за милую душу не несло рабством. Пусть старая поношенная, но не такая.

– Я боюсь, у нас нет выбора одежды, – уже совсем грустно и растерянно ответила девушка менеджер, – все берут эту.

– Я – не все! – последовал холодный ответ. Блондинка развернулась к Тиму лицом и смерила оценивающим взглядом, от которого ему захотелось провалиться сквозь землю. Она, видать, придумала какой-то вариант, потому что, потрянув гу-

стыми пшеничными волосами, произнесла, – ладно, давайте свое барахло.

Она кивнула ему на одежду:

– Переодевайся!

Браслет работал на полную. Несмотря на внутреннее сопротивление, Тим протянул руку и подвинул к себе аккуратную безликую стопку одежды, потом все так же механически стал развязывать веревку, вставленную в пояс его брюк.

Сука, ну хоть отвернись, глаза отведи! – мысленно негодовал он, не в силах остановить самого себя. Блондинка с интересом наблюдала за его действиями, даже не думая отворачиваться. Насмешливым взглядом она прошлась по его тощей, сгорбленной фигуре, когда брюки оказались на полу.

– Мда, конечно не фонтан, – протянула она, заставив его повернуться вокруг своей оси и показаться во всей красе со всех сторон.

От этих слов парень весь подобрался, чувствуя как все существо, затопляет жгучий, неудержимый стыд, как лицо заливается пунцовой краской, а руки начинают дрожать еще больше. Как же это все омерзительно! Его осматривали словно скотину в хлеву, заставляя чувствовать себя полнейшим ничтожеством. Проклиная себя за неожиданную стыдливость, сбивчивое дыхание и желание разреветься от обиды, он непослушными руками натянул новые брюки, чуть не растянувшись на полу, когда попал ногой не в ту штанину, потом быстро, через голову, надел рубашку. Все это время

белобрысая снисходительно наблюдала за его мучениями.

Теперь он стоял полностью одетый, уткнувшись смущенным, затравленным взглядом в пол, и с ужасом ждал продолжения. Она появилась в его жизни всего полчаса назад, но уже умудрилась лишить внутреннего равновесия и заставила себя почувствовать куском дерьма.

Когда с оформлением было покончено, блондинка забрала коробочки, и бросив ему равнодушное "за мной", направилась к выходу.

Оказавшись на свежем воздухе, Тимур непроизвольно остановился, пытаясь сориентироваться. В центре не было окон, и он думал, что сейчас утро, а на самом деле на улице уже стояли густые вечерние сумерки.

– Живее, – очередная команда, сказанная тоном надменной рабовладелицы.

Парень, отставший на несколько шагов от своей недохозяйки поспешил за ней. Они прошли по пустынной парковке, пока не оказались перед шикарным красным автомобилем с открытым верхом.

Окинув его быстрым взглядом, Тим скрипнул зубами. У него тоже раньше был такой, только черный, блестящий с хромированными деталями. Насладиться ностальгией не дали, бесцеремонно отправив на заднее сиденье.

Белобрысая завела машину и резко вжала педаль газа в пол, скрипнув шинами по темному асфальту.

В полнейшем молчании они ехали вперед. Тимур с тос-

кой думал о том, что его ждет сегодня вечером, а она кидала на него насмешливые и какие-то злорадно-предвкушающие взгляды в зеркало заднего вида. Через пятнадцать минут машина остановилась перед магазином с пестрой, светящейся вывеской. Судя по всему, здесь торговали одеждой.

Она вышла из машины, и не оборачиваясь, приказала следовать за собой, а Тиму ничего не оставалось делать, кроме как слепо подчиняться.

Внутри царил удручающий полумрак. Блондинка брезгливо скривила губы и быстрым шагом направилась к кассе, даже не глядя по сторонам.

– Мне нужна одежда на него, – холодно произнесла она, кивнув в сторону парня, маячившего у нее за спиной, – что-нибудь свободное, скрывающее худобу и с длинными рукавами.

Не прошло и пяти минут, как им принесли нечто несуразное: черные свободные брюки на резинке и клетчатую рубашку непомерного размера.

– Переодевайся, – второй раз за день он получил такую команду и, стиснув зубы, стал ее выполнять. Правда, теперь в его сторону она не смотрела, видать в прошлый раз не впечатленная его убогим внешним видом. Как ни странно, от этого стало еще хуже. Оказывается, наличие даже отрицательного внимания, все же гораздо лучше его полнейшего отсутствия.

Скользнув раздраженным взглядом по его внешнему ви-

ду, блондинка остановилась на его растрепанных космах:

– Расческу дайте!

– Пожалуйста, – кассир с готовностью выложил перед ней тоненькую светло-голубую расческу с реденькими рубчиками:

– Приведи в порядок свою башку!

И ему ничего не оставалось, как взять гребень и попытаться справиться с непослушной свалывшейся шевелюрой.

Белобрысая, наблюдавшая за его тщетными попытками привести себя в порядок, все чаще и чаще бросала нетерпеливые взгляды на часы:

– Давай живей! Мы и так опаздываем!

Тим хотел огрызнуться, но не смог, чувствуя как горло, сковывают ледяные оковы.

Через три минуты они уже отъезжали от магазина. Теперь он сидел на переднем пассажирском сиденье, а она раздраженно, рывками, вела машину вперед, по-видимому, злясь из-за непредвиденных задержек.

Тим сидел, превратившись в каменное изваяние и уставившись стеклянным взглядом на приборную панель. Сердце гулко билось в груди, дыхание стало тяжелым рваным надсадным, и казалось, что при каждом вдохе от тоски сводит зубы.

– Хватит пыхтеть! – зло цыкнула она, и от этого дыхание сбилось еще сильнее.

С*ка!

Оставшиеся пятнадцать минут пути Тимур провел, пытаюсь контролировать каждый свой вдох-выдох и хоть как-то отвлечься от липкой паники, расплзающейся внутри груди. Впервые за свою недолгую рабскую жизнь он оказался в такой нелепой и одновременно жуткой ситуации. Он уже с трепетом и практически пламенной любовью вспоминал предыдущего хозяина, с которым, по крайней мере, было все ясно. Работай и не выступай.

А теперь, он даже предположить не мог, что его ждет дальше. Кому его собрались дарить? Очередной распушенной твари, мечтающей о живой безвольной игрушке.

Черт, а как жить-то хочется! Не по-скотски, а нормально, как человек. Просыпаться у себя дома, заниматься своими делами, встречаться с друзьями. Как же хотелось увидеть отца. И пусть тот всегда был недоволен его поведением, не стесняясь в выражениях, высказывал все, что думает о непутевом зарвавшемся сыне. Плевать. Полжизни бы отдал, лишь бы обнять его.

Машина проехала по длинной узкой аллее и, наконец, остановилась перед небольшим аккуратненьким домиком. Сквозь высокие, незашторенные окна была видна ярко-освещенная комната, в которой находилось несколько молодых людей. Им явно было весело. Они смеялись, разговаривали, так непринужденно и увлеченно, что у него все внутри закипело от ярости.

Избалованные, зажавшиеся сосунки!

Блондинка уже выбралась из машины и теперь ждала его. Пытаясь унять нервную дрожь, он открыл дверцу машины и встал, низко склонив голову, рядом с обладательницей красной юбки.

– Значит так, – жестко произнесла она, протягивая ему коробочку с браслетом, – слушай меня очень внимательно. Надеюсь, ты не полный идиот, и с первого раза все запомнишь. Сейчас мы идем внутрь, поздравлять именинницу. Будь добр, не сжимайся перед каждым вольным. Иди спокойно, словно мы с тобой просто знакомые, и я пригласила тебя на день рождения подруги. Мне надо, чтобы никто сразу не понял, что ты обыкновенный раб. Понятно? – дождавшись его сдавленного кивка, она продолжила, – Пасть не раскрывать, а то накажу! Мы к ней подойдем, я ее поздравлю, подарю ей это.

Она покрутила у него перед носом маленькой коробочкой, в которой покоился скан-чип:

– Потом ты отдашь ей свою коробку. Ясно?

– Угу.

– Что ты мычишь, как блаженный? Говори, как положено!

– Ясно, госпожа! – процедил он сквозь зубы и поплелся за ней, проклиная на чем свет стоит свою незавидную судьбу.

Такого, что ему самому дарить новой хозяйке браслет, способный превратить его мозги в кашу, он даже в самом кошмарном сне придумать не мог.

Блондинка с сияющей улыбкой на ярко-красных губах

шла вперед, а он плелся за ней, чувствуя, как голова идет кругом, от страха перед неизвестным будущим.

– Не сутулься! Запомни, никто не должен догадаться сразу о том, кто ты! – еще раз прошипела она, перед тем, как распахнуть дверь и шагнуть внутрь.

Глава 3

Осталось 40 дней

Этот день начался с моего очередного раннего пробуждения. Опять пять утра и опять я лежу в постели с открытыми глазами. Некоторое время пыталась заставить себя заснуть, но безрезультатно. Как всегда сон тихо отступает перед натиском боли. Потихоньку встаю и приступаю к своему ежедневному ритуалу "поход в ванну к волшебному зеркалу".

Сегодня в нем отражается все та же "прекрасная королевишна", как говорит Ник.

Ну что ж, happy birthday to you, Василиса Андреевна!

Первым меня, как обычно, поздравил Никита. В шесть утра, когда нормальным людям даже в голову не придет звонить, видеофон красивыми переливами сообщил о входящем вызове.

Я была рада как ребенок. Ник всегда умел поднять мне настроение, и после его приколов и заразительного смеха, я даже стала допускать мысль, что возможно сегодняшней день не так уж и плох. Возможно.

Потом, уже после девяти звонили все остальные. Мама, родственники, друзья и коллеги, по крайней мере, те, которые знали где я. Да что там коллеги! Сам начальник отдела снизошел до того, чтобы лично пожелать мне наискорейше-

го выздоровления и возвращения на работу.

Работа! Как я по ней скучала! Если кто не знает, я работала в Управлении. Огромный аппарат галактического масштаба, призванный поддерживать порядок на всех подотчетных территориях. Я числилась в юридическом отделе, при главной судебной службе. В общем, всего понемногу: и следователь, и адвокат, и инспектор. Времени для скуки нет, а с учетом того, что в напарниках у меня Никита Лазарев, об этой самой скуке вообще забыть можно.

К полудню меня поздравили все кому не лень, кроме Марики Власовой и Таисии Фроловой. И если на первую мне было абсолютно плевать, то вот молчание лучшей подруги откровенно задевало.

Не могла же она забыть!

После обеда я поняла, что мне уже все надоело, и я хочу занять любимое место перед телевизором. Однако внимание привлекла желтая машина такси, подъезжающая к моему дому. Так, кого там нелегкая принесла?

Из машины никто не торопился выходить, и я уже было подумала, что таксист просто ошибся адресом, но тут завибрировал телефон, оповещая о полученном сообщении. Недовольно поморщившись, я, слишком резко потянулась за ним, за что была наказана острым уколом под ребра.

– Черт, – прошипела, прижав руку к боку.

Сообщение было от Таисии. Ну, надо же! Вспомнила про меня!

Я его открыла и несколько раз непонимающе перечитала:
"Машина подъехала, выходи".

Ничего не понимаю.

"Зачем?" – послала ответную депешу.

"За подарком поедем, зачем еще, по-твоему! Вставай с дивана и выходи, я уже на месте и жду тебя!"

"На каком месте?"

"Да выходи ты уже! Потом все узнаешь!"

Я грустно посмотрела в сторону любимого дивана, который настойчиво не хотел отпускать меня из своих нежных объятий. Тяжело вздохнула и направилась к выходу.

Не хотелось признаваться самой себе, но Таськины письма меня заинтриговали.

Таксист как-то недоверчиво и подозрительно покосился в мою сторону, когда я с кряхтением забралась на заднее сиденье. Похоже, мой дивный образ произвел на него неизгладимое впечатление.

Пункт назначения мне был не известен, поэтому надеялась, что Таисия оставила точные указания водителю, куда везти мою драгоценную персону.

Так и оказалось. Машина плавно тронулась с места, увозя меня за таинственным подарком. Не знаю почему, но под сердцем что-то кольнуло. Надеюсь, она не решила послушать Никиту и не потащит меня выбирать котенка? Хотя Таська знает, как я отношусь к живности дома и не должна поддаваться на такие провокации.

Через пятнадцать минут машина остановилась перед невысоким зданием, украшенным яркой вывеской, на которой очень красивая девушка в красном, летящем платье идет по пляжу.

Это что бутик? Я не поверила своим глазам. Она прикалывается, да? Что МНЕ делать ЗДЕСЬ?! Да меня в нынешнем виде даже на порог не пустят!

Выбралась из машины и смущенно осмотрелась. Редкие прохожие бросали на меня любопытные взгляды, от которых становилось неудобно. Знаю, что не красавица, но необязательно же так пялиться!

– Васька, с Днем Рождения!– раздался вопль откуда-то сзади. И пока я медленно оборачивалась, Таисия бурным ураганом налетела на меня, стиснув в горячих объятиях. Опять!

Из глаз брызнули слезы.

– С такими темпами это будет мой последний День Рождения, – прохрипела я, когда смогла вдохнуть.

Таисия застонала и начала извиняться, метаться вокруг меня и причитать.

Я стояла, полусогнувшись, прижав ладонь к ребрам. Так, вдох-выдох, разгибаемся. Во-о-о-т. Главное не торопиться.

Подруга со слезами на глазах в три тысячи пятый раз клялась, что больше так не будет.

– Ладно, все, я жива, – проворчала, пытаюсь перекрыть ее поток самоистязания, – и я не понимаю, что делаю здесь.

– Ах, да-да! Мы же за подарком тебе идем, – всплеснула руками Таська и потащила меня к магазину с яркой вывеской.

Мое вялое сопротивление было проигнорировано, и мне оставалось только смотреть под ноги, чтобы не споткнуться и не растянуться на глазах у всех.

Едва переступив порог магазина, я поняла, что была права. Бутик дорогой одежды. Хм, у них есть что-нибудь для таких красоток как я? Сомневаюсь.

– Что мы здесь делаем? – спросила, всеми силами уперевшись ногами в пол, и, не позволив, Таисии тащить меня дальше.

– Сейчас будем платье тебе покупать!

– Тась, – простонала я, – посмотри на меня! Ну, какое платье?

– Красивое! – безапелляционно заявила подруга.

– Зачем оно мне? На диване лежать? Или на процедуры одевать? Или может во время капельниц наряжаться? – не понравилась мне эта идея с платьем.

– Не хотела раскрывать все карты, но... – она коварно улыбнулась, – сегодня вечером мы идем веселиться в клуб!

Вот тут меня окончательно пробрало:

– А, я тут причем? – сердито фыркнула, уперев руки в бока.

– Ты – именинница! Главный действующий персонаж, – не сдавалась Фролова.

– Я никуда не пойду!

– Пойдешь! Мы с ребятами заказали на сегодня VIP-зал. Никого, кроме нас там не будет. Зато есть музыка, бар, боулинг, кинотеатр!

– Я не пойду! – упрямо топнула ногой.

– Пойдешь! – она в точности скопировала мой жест.

– Да, как ты не понимаешь?! Я не в том состоянии, чтобы по клубам бродить!

– Это ты не понимаешь! Жизнь продолжается, и никаких противопоказаний для такого отдыха у тебя нет!

– Ты-то откуда знаешь?

– Мне Никита сказал!

– Никита? Когда это вы успели с ним пообщаться? – подозрительно посмотрела на подругу, с удивлением отметив, что она смущенно отвела глаза, – Та-а-а-ак. Я чего-то не знаю?

– Не переводи разговор! У тебя больше половины срока восстановления прошло, значит, тебе уже пора шевелиться и раскачиваться! Хочешь сказать, что от врача такие рекомендации не получала?

Я сердито засопела. Еще как получала! Вот только упрямо их игнорировала. Стоит только весь день провести на ногах, активно двигаясь, и не усаживаясь каждые пять минут на диван, так вечером хоть волком вой от боли. Медики в один голос твердят, что это нормально, что так и должно быть, но легче-то от этого не становится!

– Все ясно, – хмыкнула Тася, – можешь сопротивляться,

сколько хочешь, но сейчас мы идем покупать это платье, а вечером едем в клуб. И, если понадобится, я тебя свяжу и силой потащу, а брат с друзьями поможет. Хватит жалеть себя! Выберешься из своих четырех стен, развеешься! Я же видела, как ты расстроилась, когда узнала, что мы в кино уходим! Тебя ведь никто не заставляет окунаться в толпу и отжигать пламенные танцы на танцполе!

Ну, вот что мне оставалось делать? Все равно ведь не отстанет.

Тут в голове, словно маленький огонек, зажглась мысль. Вдруг действительно понравится?

К тому же, мне не хотелось в этом признаваться самой себе, но иногда я действительно мечтала выбраться из своего убежища. Посопротивлявшись еще пару минут (и то для вида), я обреченно махнула рукой и сдалась. Будь, что будет.

Подруга радостно захлопала в ладоши и, снова вцепившись в мою руку, потащила вглубь магазина.

Платье мы купили. Длинное, в пол, темно-бордовое. Сверху красивые драпировки, полностью прячущие корсет, а снизу – длинная юбка, скрывающая тонкие ноги.

В принципе, я могла бы назвать его красивым, если бы не одно но.

Девушка в нем была ужасной.

Уже дома, оставшись в одиночестве, я с трудом переоделась и подползла к любимому зеркалу. Кошмар! Как меня

сейчас не наряжай, все равно страшна как смертный грех. Мне с трудом удалось отбиться от Таисии, изъясвившей желание придти пораньше и попытаться сделать что-то с моими волосами и макияжем. Незачем, будет только хуже. Раз уж в VIP-зоне никого кроме нас не будет, то и пугать своим чудесным ликом некого, поэтому платье – это единственное на что я согласилась.

Друзья должны были собраться у меня в девять вечера, а потом дружной компанией мы отправимся в клуб. Так что у меня было несколько часов для отдыха.

Я разделась, приняла все нужные лекарства, поскольку вечером будет не до этого, и отправилась спать. Веселье весельем, а отдых в моем состоянии никогда не помешает.

Проснулась, словно от толчка, когда на часах было уже почти восемь. Отлично.

Есть время немного раскачаться и придти в себя. Позволила своему измученному организму еще несколько сладких минут поваляться, а потом начала вставать. Медленно, со скрипом, как обычно.

Умылась, чтобы прогнать остатки сна и стала одеваться. Хорошо, что новое платье можно было надеть через голову, иначе я бы с ним не справилась. А так, раз, и готово.

Причесалась, покрутилась перед зеркалом с распущенными волосами. Унылые блеклые сосульки, грустно обрамляющие лицо, делали его еще более худым и усталым. Без ко-

лебаний опять собрала их в хвостик. Пусть Фролова будет недовольна, мне так больше нравится и точка.

Оставалось решить, что одеть на ноги. Сюда бы конечно туфли подошли, да вот беда – у меня их не было, а если бы и были, то я свалилась бы с них после первого же шага. Тапки? А что? Экстравагантное дополнение к образу прекрасной незнакомки. Не удержалась и прыснула со смеху.

Смех смехом, а идти действительно было не в чем, поэтому пришлось звонить Таисии и просить ее выручить с обувью.

Она приехала ко мне самая первая, прошлась одобрительным взглядом по платью и недовольным – по пучку на голове. Потом заметила мой решительный взгляд и промолчала.

С собой она привезла легенькие бежевые балетки на плоской подошве. Я померила и удовлетворенно кивнула. То, что нужно.

Пока ждали остальную компанию, расположились в гостиной и непринужденно болтали.

– Власова сегодня придет? – поинтересовалась, мечтая получить отрицательный ответ.

– Не знаю, – Тая пожала плечами, – мне кажется, недолго нам осталось терпеть ее в нашей компании.

– Почему?

– Вчера они разругались с Сэмом, сильно, громко. Брат не сказал мне, в чем причина ссоры, но зато признался, что устал от Марики и ее постоянных выступлений. Он у меня

тихий, спокойный, добрый, сама знаешь. Власова его утомляет.

– Вообще не понимаю, почему он с ней связался! Они же как небо и земля, – я в недоумении развела руками.

– Хм, я спрашивала Семена по этому поводу, – усмехнулась она, – знаешь, что он мне ответил?

– Понятия не имею, – покачала головой

– Пусть стерва, зато какие у нее... – имитируя интонацию Сэма, она выставила перед собой руки, сделала вид, будто что-то сжимает.

Мы дружно рассмеялись.

Когда на часах было без пятнадцати девять, к моему дому подъехала машина, из которой дружно выскочили парни. Как всегда веселые, шумные, жизнерадостные. У каждого по охапке красивых цветов. В груди защемило от какого-то странного чувства. Тепло, светло. Что это? Радость? Спокойствие? Счастье? Не знаю. Единственное, что я поняла в этот момент, так это то, что я не одна, и жизнь действительно продолжается. Осталось чуть больше месяца и весь этот кошмар закончится, оставшись лишь темным пятном в воспоминаниях, которое со временем растворится, размоется, исчезнет.

Улыбка сама по себе зажглась на моем лице и, впервые за сегодняшний день, я поймала себя на мысли, что действительно хочу провести этот вечер со своими друзьями. Не в этих четырех стенах, а там где весело, ярко и играет музыка.

Если еще Власова все-таки не придет, то вечер вообще обещает быть самым счастливым за последнее время.

Гости ввалились шумной гурьбой. Меня поздравляли, обнимали, целовали, а я просто млела. Ощущение было такое, словно все хорошо. Нет на мне никакого корсета, и выгляжу нормально. Знаю, что пока это не так, но настроение упрямо ползло вверх.

Без пяти девять.

– Сэм, – Таська обратилась к брату, – машина уже вот-вот приедет за нами. Твоя королева красоты сегодня с нами или ты свободен?

– Она сегодня звонила, – как бы нехотя проговорил парень, – сказала, что обязательно придет, подарок у нее есть для именинницы.

Он бросил на меня виноватый взгляд. Я промолчала, хотя внутри что-то неприятно дрогнуло, зато Фролова, не стесняясь, высказала все, что думает по этому поводу.

– Шла бы она лесом со своими подарками! Когда ж ты с ней разбежишься? Только нервы всем вокруг портит.

Парень как-то неопределенно повел плечами.

– В общем, как только приедет за нами машина, садимся и отправляемся в клуб! Если Марика опоздает – это ее проблемы, пусть добирается сама, как хочет, – подвела суровый итог подруга.

У меня, несмотря на приподнятое настроение, внутри начал свербеть какой-то червячок сомнений. Какой подарок

она мне купила? Вспомнилась ее последняя фраза "будет тебе котенок!". Неужели все-таки решила подкинуть такую свинью? Она ведь может, назло мне.

Я представила, как маленький меховой комок бежит по моему дому, устраивая беспорядок и гадя в труднодоступных местах, а я, обливаясь горькими слезами и охая от боли, ползаю за ним по полу, подтирая лужи и убирая теплые кучки. Нет уж, нет уж! Не надо мне такого счастья! Если вдруг все-таки посмеет мне его принести, я его тут же отдам кому-нибудь. Вон той же Таське! Она – добрая душа, приютит у себя четвероногого вредителя без лишних вопросов.

Решив так, я облегченно вздохнула, придя к выводу, что безвыходных ситуаций не бывает.

Ровно девять вечера.

В гостиной было всего пять человек. Мы с Таськой, Вадим, Семен и Руслан, но шум стоял такой, словно собралась рота солдат. Настроение у всех было отличное, парни травлили анекдоты, и мы смеялись во весь голос.

Первым машину, вывернувшую на аллею перед домом, заметил Руслан:

– Похоже, за нами едут!

Все дружно обернулись и стали смотреть в окно. Не знаю как остальные, а я в своих чудовищных очках все равно на таком расстоянии, да еще и в потемках ничего не видела. Только приближающиеся фары.

– Не-е-ет, это не за нами, это Марика, – наконец недоволь-

но протянула подруга, бросив на брата раздраженный взгляд, тот лишь устало потер лицо рукой, осознавая, что веселье может закончиться. Власова всегда вела себя как снежная королева, и ни при каких условиях не стала бы, вот так, как мы, ржать над глупыми анекдотами.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь подавить внутреннее волнение, опять поднявшееся с новой силой. Ладно, переживем. Ну, пришла и пришла.

Власова тем временем припарковала машину недалеко от входа. В темноте я смогла ничего разглядеть, но, похоже, она приехала не одна.

– Кто это там с ней? – недовольно поинтересовалась Таська, озвучивая вслух мои мысли.

– Понятия не имею, – Семен пожал плечами, – вроде мужик какой-то.

– Что значит "какой-то"? Она приезжает на День Рождения, на которое ее особо-то и не звали, да еще с незнакомым типом. И это все, несмотря на то, что тут ее официальный молодой человек! – Таисия буянила, а Сэм наоборот равнодушно поглядывал в окно:

– Тай, успокойся! Чего ты завелась? У нее полгорода знакомых, я уже даже не пытаюсь их запомнить.

– Зачем она его с собой тащит?

– Понятия не имею! Судя по его внешнему виду, он на художника какого-то похож, – парень кивнул в сторону окна, за которым теперь отчетливо была видна Марика и борода-

тый дядька с длинными волосами, – Наверно, хочет Василисе портрет подарить.

От этой его фразы я не удержалась и рассмеялась. А что, вполне в духе Власовой! Усадить меня, такую всю прекрасную, на стул и заставить три часа позировать, чтобы потом получить шедевр, под названием "Тоска зеленая в глубокой печали".

После секундного затишья уже ржали все, тоже видать, представив такую картину.

Плевать. Пусть художник, пусть намалюет меня – оставлю на память и буду в старости внуков пугать. Главное, что у нее в руках маленькая коробочка и у названного гостя тоже. Настолько маленькая, что кот туда точно не влезет, даже совсем крошечный.

Когда дверь открылась, и они, наконец, зашли внутрь, мы все еще смеялись. Власова, вопросительно изогнув бровь, мазнула надменным взглядом по всем собравшимся, а потом обратила внимание на меня, сидящую возле барной стойки. Ярко красные губы растянулись в сладкой притворно-радостной улыбке, и она походкой от бедра направилась ко мне. Мужик за ее спиной замер на какую-то долю секунды, бросив на меня непонятный взгляд. Что, понравилась? Смотри, я перед тобой еще позировать буду, и моли Бога, чтобы не в стиле ню.

Опять захотелось рассмеяться. Глупости какие-то.

Власова тем временем остановилась прямо передо мной

и радостным, дрожащим от возбуждения голосом начала поздравлять:

– Дорогая, Василиса! Ты не представляешь, насколько я рада, что спустя столько лет, судьба опять свела нас вместе! Ты добрый, чуткий и отзывчивый человек, и я хочу пожелать тебе всего самого-самого.

"Мисс оригинальность, – ехидно подумала я, не переставая улыбаться, – давай еще здоровья пожелай!"

– Хорошего настроения, верных друзей, счастья женского, красоты душевной... хотя бы...

Сучка, и тут надо было уколоть!

– И, конечно же, здоровья...

Ха, ну естественно, куда же без этого!

– И позволь мне подарить тебе этот маленький, скромный подарок, который надеюсь, скрасит твое существование, – с этими словами она протянула мне маленькую коробочку, – только глаза закрой, чтобы сюрприз не испортить.

Я с тяжелым вздохом закатила глаза и приняла коробочку. В комнате повисла тишина, когда я на ощупь сняла верхнюю крышку, осторожно положила ее на стойку и запустила руку внутрь. Мои пальцы наткнулись на какой-то плоский, прямоугольный предмет. Я понятия не имела, что это такое, поэтому начала ощупывать. Одно движение, второе, третье и тут раздается тихий протяжный электронный писк. Почему-то от этого звука сердце ухнуло куда-то вниз. Я знала этот звук! Такой обычно издается, когда что-то регистрируешь,

подтверждаешь.

Что за...?

Распахнув глаза, обнаружила у себя в руках черный сканчип, на цветном экране которого горела надпись: "Право собственности подтверждено. Имя объекта: Барсик".

Барсик?!

Вот, с*каааа!

Она все-таки всучила мне этого кота! Обманом заставила зарегистрировать в реестре свое право собственности! Барсик, твою мать! На черта он мне сдался?!

А, с чего я, дура набитая, решила, что она возьмет и притащит с собой этого маленького уродца? Нет, Марика хитрая, подколодная змея, купила явно дорого кота с документами и подсунула этот чип во включенном виде! Сучка, и денег же не пожалела на такой фокус, гадина!

Я вскинула на нее негодующий взгляд. Она стояла передо мной довольная, сияющая, словно медный таз, с победной улыбкой на губах.

– Это... – начала было гневно я, но Власова перебила.

– С Днем Рождения, Чу! – шагнула ко мне и смачно поцеловала в щеку, явно оставив на коже красный отпечаток.

Я стояла, сжимая руки в кулаки и пытаюсь успокоиться, а она, по-моему, еле сдерживалась оттого, что не начать пританцовывать и хлопать в ладоши. Браво, Марика, браво! Один ноль в твою пользу! Уделала ты меня в этот раз.

Она, закусив губу, с наслаждением рассматривала мою воз-

мущенную физиономию.

– О, ты все-таки купила ей кота? – хмуро поинтересовался Сэм.

– Лучше, дорогой, гораздо лучше, – Власова улыбнулась еще шире, вполоборота обернулась к своему спутнику и сладким голосом проворковала, – теперь твоя очередь.

Словно через силу он сделал шаг вперед и, тяжело дыша, протянул мне свою коробку. Я в каком-то оцепенении смотрела на новый подарок, на то, как подрагивает его рука, и побелели пальцы. Медленно приняла коробочку, развязала розовый бантик и уже без всяких игр в "закрой глаза" заглянула внутрь.

Там лежали часы. Почему-то две штуки. Ничего не понимая, я извлекла одни из них и покрутила в руках. Странные какие-то куча кнопок, а на синем циферблате вместо времени горит одно слово "активировано".

Ну, вот на фига мне часы? Чтобы не забывала вовремя Барсика кормить и лоток за ним менять?

Подняла недоуменный взгляд на Марику. Та торжествующе улыбалась, и от этого становилось не по себе. Чему эта дура радуется?

Непонимающе нахмурившись, обернулась к Таисии. Та стояла, и как рыба хватала ртом воздух, уставившись на часы в моих руках. Да что с ними не так!?

Парни тоже молчали, переводя ошарашенные взгляды с Марики на меня и обратно. Похоже, я одна не понимала, что

происходит.

– И что мне делать с этими часами? – спрашиваю, а у самой все внутри ходуном ходит от негодования.

Власова ухмыльнулась:

– Тут все просто, сейчас я тебя объясню. Видишь первую кнопочку, серую? Нажимай.

И, понятия не имею почему, я покорно, словно во сне, нажала на эту самую кнопку.

Если честно, я ожидала чего угодно: струю воды в лицо, сообщения о том, что активировала бомбу, но только не того, что человек, стоявший рядом с Власовой со стоном рухнет на колени.

Что за...

И тут, словно кулаком в солнечное сплетение, выбило весь воздух из легких и оглушило понимание того, что вот он. Барсик! И ни черта это не кот, а человек! Самый настоящий, живой!

Раб!

Твою м-мать!

Откинула от себя браслет, словно он был ядовитой змеей, и зажала рот руками, чтобы удержать крик.

Раб! У меня! И я подтвердила свое право собственности на него!

Марика с торжествующим видом наблюдала за мной, откровенно наслаждаясь моей паникой.

– С днем рождения, Вась, – еще раз повторила она, – я

думаю, у тебя не будет с ним проблем, ты же считаешь, что до каждого можно достучаться, каждому можно все объяснить. Так что желаю удачи!

С этими словами она развернулась на каблуках и направилась к двери:

– Я надеюсь, вы простите меня, но сегодня к вашей дружной компании не могу присоединиться – другие планы. Семен ты со мной?

Парень молча покачал головой.

– Как хочешь! Всем пока и приятного вечера, – и она ушла, одарив меня напоследок улыбкой, достойной королевской кобры.

А я стояла, все также зажимая рот рукой, и не в силах оторвать взгляда от скорченного на полу человека. Нелепая широкая рубашка задралась, оголяя тощую спину в красных рубцах. Мама дорогая!

Сердце словно сдавило тисками, щемящей болью отзываясь при каждом вдохе, а перед глазами заплясали черные мушки. Отступила от него на шаг и схватилась побелевшими пальцами за стойку, чувствуя, что еще немного и сознание покинет меня.

Нельзя! Мне нельзя иметь раба! Никогда! Ни при каких обстоятельствах. Это табу! И дело даже не в моих принципах и убеждениях. Дело в работе! В любимой работе, без которой я не мыслю своей жизни! Управленец не может иметь раба! За это грозит увольнение, сразу и без разбирательств.

Черт, попыталась подавить панику, мешающую здраво мыслить. Судорожно попыталась вспомнить протокол, посвященный данному вопросу. Что там было про дарение рабов? Было, ведь помню было.

Память нехотя выдала информацию. Заученная, когда давно, строчка словно загорелась ярким пламенем перед глазами.

"... в случае, если сотрудник Управления получает раба в дар, то для сохранения рабочего места, ему необходимо подать заявление на освобождение на позднее чем через два часа после факта дарения".

Да! вот он выход!

Мне нужен компьютер! Срочно!

– Вась, да очнись ты! – прокричала мне на ухо подруга.

Только тут я поняла, что выпала из реальности, и меня, оказывается, обступили все остальные и что-то говорят.

Ни слова не понимая, я ошарашено смотрела то на одного, то на другого, а взгляд упрямо возвращался к человеку на коленях.

– Вась! Не расстраивайся, мы все уладим, хорошо? Вась?!

Я рассеянно кивнула.

Потом меня куда-то потащили, словно безвольную куклу, и очнулась я только в машине, везущей нас в клуб.

Блин! Какой клуб?! У меня судьба на волоске висит!

Все в машине шумели, обсуждая поступок Власовой, кроме меня. Я молча, угрюмо смотрела в окно, думая только о

том, есть ли в этом проклятом клубе доступ к компьютеру, и успею ли я до него добраться.

За время пути до клуба, я несколько раз чувствовала, что еще немного и потеряю сознание, и только мысль о том, что у меня в запасе меньше двух часов, заставляла собраться и не дать себе раскиснуть.

Как назло по дороге нам встретилась авария, перегородившая проезжую часть, и пришлось делать довольно большой круг, теряя впустую драгоценное время.

К зданию клуба, освещенному яркими неоновыми огнями, мы подъехали, когда маленькая стрелка часов уже пересекла за десять.

Черт!

Как могла быстро выбралась из машины и осмотрелась. Куда идти? Где вход в это идиотское заведение?

Как оказалось, для VIP-гостей была предусмотрена отдельная дверь, которая, конечно же, располагалась совсем в другом конце здания.

Я чуть не зарычала от досады и, стиснув зубы, стараясь не показать своего волнения, поспешила за остальными.

В добавок ко всему, на входе не оказалось встречающего, и мы, как стадо баранов, стояли под открытым небом, ожидая, когда же нас, наконец, запустят внутрь.

Я от нетерпения стала притопывать ногой.

Ну, давай же, давай!

Быстрее!

Наконец двери распахнулись, и к нам вышла чудесная девушка в коротком малиновом платье, еле прикрывающем пятую точку. Она с дежурной улыбкой проверила наличие наших фамилий в списки, а потом, пожелав отличного вечера, запустила нас внутрь.

Свершилось!

Мы прошли в VIP-зал, где играла музыка, был накрыт для нас стол. Красота! Но мне было не до нее. Я, судорожно сжимая кулаки, осматривалась по сторонам, надеясь найти компьютер.

Нет. Ничего здесь нет!

Извинившись перед друзьями, сказала, что мне надо посетить дамскую комнату. Едва скрылась из их поля зрения, прибавила скорости, насколько это было возможно в моем плачевном состоянии, и бросилась на поиски администратора.

Молодой человек с головой, выбритой на половину, встретил меня удивленным, недоверчивым взглядом:

– Чем могу быть полезен?

– Мне нужен доступ к компьютеру, срочно! – прохрипела, прижимая руку к боку, который пронзала колющая боль.

– Знаете, у нас сегодня были перебои в сети, так что я не уверен, что он в рабочем состоянии...

– Пожалуйста! – чуть ли не рыдая, перебила я его, – давайте попробуем, может получится!

Наверное, у меня был настолько убогий и сумасшедший

вид, что парень надо мной сжалился и провел в специальную комнату. Поблагодарив его, я бросилась к вожделенному компьютеру и нажала на кнопку.

Давай же милый, давай!

Машина тихонько пискнула и включилась!

Ураааааа!

Взгляд упал на часы, стоящие на компьютерном столе.

22.40

Паника, липкая, холодная, сковала все мое сознание. Из-за нее я никак не могла попасть на нужные клавиши и зайти на нужный сайт. Совершая ошибку за ошибкой, я бездарно теряла последние крупницы времени.

Уже не имея возможности сдержаться, я как в бреду заполняла заявление на освобождение, некрасиво хлюпая носом и роняя соленые слезы на клавиатуру.

Проверила еще раз все ли в порядке и, уже почти похоронив надежду, выпутаться из этой жуткой ситуации, нажала кнопку "отправить". Несколько бесконечно долгих секунд, за которые я уже успела попрощаться с любимой работой, на экране крутился значок песочных часов, а потом появилась табличка.

Ваше заявление принято. Срок дезактивации зонда – 10 сентября.

– Да! – завопила я во весь голос и подскочила на стуле, за что тут же поплатилась фейерверком боли в ребрах, – черт...

Успела! Я успела! Заявление приняли! Успела!

Повторяя эти слова как молитву, я поднялась со стула и покинула эту комнату.

Успела!

Вопреки всем доводам разума мне хотелось петь, танцевать и смеяться. Плевать, что раб все еще у меня, плевать на то, что мне с ним предстоит провести четыре месяца. На все плевать! Главное, что я успела! И теперь ни одна Комиссия по правам человека не сможет выдвинуть против меня никаких обвинений.

В отличном, приподнятом и каком-то полубезумном состоянии я вернулась в VIP-зал к друзьям.

– Ты как? – с тревогой поинтересовалась Таисия.

– Лучше не бывает! – ответила я, не в силах подавить сумасшедшую улыбку. Подруга с сомнением покосилась в мою сторону, но промолчала, видать, решив, не портить моего настроения.

И весь этот вечер я действительно веселилась, с остервенением, как заведенная, не думая о боли и не давая себе ни на минуту остановиться. Ведь стоило мне только отвлечься от боулинга, кино или разговоров с друзьями, как перед взором всплывала хилая спина в шрамах.

С какой-то тревогой, сожалением и раздражением подумала, что перед выходом надо было его с колен поднять. Но я так была занята мыслями о своей работе, что забыла обо всем на свете.

Блин!

Ладно, надеюсь, он там улегся как ему удобно и никуда не влезет. Я ведь не давала разрешения на его свободное перемещение по дому? Не давала! Значит должен сидеть там, где его оставили. Ведь должен?

Черт!

Вот не было печали....

Ладно, Марика, празднуй сегодня свою победу. Недолго тебе осталось радоваться! Вот сниму с себя это орудие пыток, приду в норму и устрою тебе сладкую жизнь! Но все это подождет, главное, что я успела!

Успела!

Глава 4

Тимур

Стоило им зайти в дом, как Тим непроизвольно пробежал цепким взглядом по всем собравшимся. Трое парней примерно его возраста, может чуть моложе. Ржут как сумасшедшие над какой-то шуткой. Почему-то подумалось, что смеются над ним, и от этого захотелось сжаться, а еще лучше развернуться и пулей выскочить на улицу, растворившись в спасительной темноте, но он помнил предупреждение белобрысой, на счет наказания.

Заставил себя успокоиться. Парни его интересовали мало, ведь в подарок он предназначался не для них, а для какой-то девки.

Заметил единственную представительницу женского пола, хихикающую на диване, с длинными, черными как смоль волосами, в синем коротком платье. Миловидная, но у Тимура она не вызвала ничего кроме отвращения.

Стерва, притащившая его в качестве подарка, на этот веселый огонек осмотрелась. Он буквально кожей почувствовал, как все присутствующие подобрались при ее появлении. Похоже, блондинку здесь особо никто и не ждал, зря только торопилась и дергалась.

Тем временем она радостно встрепенулась и бодрым ша-

гом направилась вперед, почему-то совершенно не обращая внимания на девушку в синем платье.

Тим проследил взглядом за ее движением и заметил еще одного персонажа.

Твою ж мать! Что это?!

Непонятное создание, судя по длинному красному платью – женского рода, восседало на высоком стуле и улыбалось, если так можно назвать эту гримасу.

Это что, его собираются подарить ей? О, нет! Только не это! Что угодно, но только не это! Пристрелите лучше сразу. Это же просто кошмар!

Ненавистная блондинка в красной юбке поравнялась с этим недоразумением и растеклась в улыбке.

– Дорогая Василиса...

Дальше он не слушал. Вблизи Оно оказалось еще страшнее. Костлявая, как сама смерть, и это не мог скрыть даже бесформенный объемный балахон. На голове реденькие волосенки мышинного цвета, стянутые в отвратительный жидкий хвостик. Желтушная, нездорового вида кожа. Глаза. Где у нее глаза? У всех людей на лице должны быть глаза! Что это за крошечные прорезы неопределенного цвета, скрывающиеся за жуткими очками?

Тим еле сдержался от того, чтобы его не передернуло.

А потом стало еще хуже, хотя казалось бы куда уж.

Оно улыбнулось, бросив на него подслеповатый взгляд.

«Господи, не делай этого со мной! – мысленно завопил

он, уставившись на страшную коробочку в своих руках, – обещаю, я исправлюсь. Перестану быть гадом! Пожалуйста! Только не к ней! умоляю, что угодно, но только не к ней! Я стану добрым, сдержанным, правильным, да каким угодно! Только не надо меня оставлять у этого чудовища».

Блондинка продолжала поздравлять именинницу, выдавая банальные заезженные фразы, а Тим уже смотрел на нее чуть ли не с преданностью и пламенной любовью.

Оставь меня у себя! Пожалуйста!

Белобрысая, несмотря на всю свою стервозность, была по крайней мере приятной на вид. Высокая, фигуристая, морда красивая. Если придется исполнять ее прихоти, то по крайней мере на нее встанет! А эта?! Да лучше в самую глубокую шахту, на ядовитые рудники, где нет и солнечного луча. Куда угодно, но не к ней!

Тим не удержался и еще раз бросил на нее затравленный взгляд. О, черт! Да ее же за километр все мужики обходят! Нетрудно догадаться, зачем он ей будет нужен.

Тяжелое дыхание с трудом вырывалось от груди, и было такое чувство, что кровь закипает в венах.

За что? Он конечно много дел натворил за свою жизнь, но чтоб вот такая расплата! Перебор, даже для него.

Изо всех сил зажмурился, надеясь, что все это всего лишь ночной кошмар, и что он сейчас проснется. Пусть не вольным, пусть у себя в боксе, голодный, злой и небритый. Пусть, главное, что не здесь!

Пробуждение так и не произошло, и он с внутренним содроганием наблюдал за тем, как блондинка протягивает коробочку.

Чертову коробочку с его скан-чипом.

– Глаза закрой, что бы сюрприз не испортить, – насмешливо произнесла она.

Закусив губу от бессилия, Тимур наблюдал за тем, как его без-пяти-минут-хозяйка, неуклюже, с закрытыми глазами снимает крышку и запускает свою костлявую лапу внутрь. Содрогаясь от ужаса, он смотрел как она лапает скан-чип, гадая, раздастся ли звук подтверждения.

И он раздался, заставив вздрогнуть и судорожно выдохнуть.

Все! П***ц! Полный! Допрыгался.

Теперь уже полноправная хозяйка удивленно распахнула крошечные глаза и вынула из коробки скан-чип.

Ее и без того осунувшееся лицо вытянулось еще больше.

Она переводила изумленный взгляд с экрана, на блондинку и обратно, не обращая на него никакого внимания. Похоже, до нее не дошло, что только что она легким касанием закрепила свое право на его жизнь.

Еще и дура вдобавок!

– Это... – начала было она, но была бесцеремонно перебита белобрысой:

– С днем рождения, Чу! – та сделала шаг вперед и крепко, с чувством поцеловала в щеку, специально оставив на ней

яркий, размазанный след от губной помады.

Чу? Это что имя такое? Или сокращение от чудовища? Чудища? Чучундры Болотной? Внутри все свело, и не было сил поверить в происходящее.

– Ты ей все-таки кота купила? – недовольно поинтересовался один из парней, при этом Чучело весьма выразительно вздрогнуло.

Кота? Она считает, что только что ей подарили кота? Не просто дура, а идиотка беспросветная! Неужели не видит, что белобрысая играет с ней?

В памяти всплыла фраза блондинки "Барсик, значил? Парень, похоже это судьба!". Это что выходит, она его выбрала только из-за имени?! Это шутка такая? Подари чудовищу котенка?

Какие же они все твари! Парень стиснул зубы так, что на скулах заходили желваки. Зажравшиеся, распущенные твари!

– Теперь твоя очередь, – белобрысая повернулась к нему и, сохраняя улыбку на губах, одарила таким взглядом, что волосы на загривке зашевелились. И рад бы послушаться, послать всех к чертям собачьим и убежать, да проклятый зонд, отреагировав на его состояние, и шага не даст сделать. У него правила строгие: не навреди вольному, не сбеги.

Как же хотелось в этот момент свернуть ей шею! В ответ на кровожадные мысли тот час поднялась волна боли. Чуть не завыв от безысходности и мечтая оказать где угодно, но

только не здесь, Тимур через силу сделал шаг вперед и молча, протянул хозяйке коробочку. Та подозрительно уставилась на его руку, дрожащую, сведенную от напряжения, а потом забрала подарок.

Мрачно покосилась в его сторону и начала открывать. Долгую минуту, за которую, казалось, вся душа обратилась в пепел, она смотрела внутрь коробочки, а потом достала браслет, заставив его дернуться.

– И что мне делать с этими часами? – сирым, неприятным голосом поинтересовалась Чучундра.

Часы? Мать твою, да ты мою жизнь в руках держишь! Часы!

Уже не скрывая своей ненависти, Тимур уставился на нее, но она ничего не замечала, продолжая с недоумением рассматривать браслет. Зато его взгляд перехватила блондинка и, расплывшись в предвкушающей улыбке, мягко произнесла:

– Тут все просто, сейчас я тебе помогу. Видишь первую кнопку, серую? нажимай.

Не смей! Не трогай эти чертовы кнопки!

Его мысленных посылов никто не услышал. Эта идиотка, недолго думая, ткнула своим корявым пальцем на указанную кнопку. В тот же миг, по спине пробежал чувствительный разряд тока. Ноги сами подкосились, и он тяжело рухнул на колени, уперевшись головой в гладкий пол.

Тварь! Проиграться захотелось? Посмотреть что будет? Как же он ненавидел их всех в этот момент, до дрожи, до

боли в груди, до яростного крика, и уже не мог остановить злые бессильные слезы, брызнувшие из глаз, мечтая только о том, чтобы все это наконец закончилось.

Что там происходило дальше, он не слышал и не воспринимал, будто провалившись в глубокую темную яму, из которой уже не выбраться. Похоже, блондинка ушла, вильнув напоследок красным задом, потом все остальные начали галдеть, как стая бакланов, а затем все дружно покинули дом, и его слух выделил только одно слово "клуб".

Ублюдки!

Перед ними живой человек на коленях корячится, а они в клуб собрались! И ни одна сволочь не подумала о том, чтобы разрешить подняться. А зачем? Они же вольные, хозяйева жизни, а он всего лишь раб. Для них ничего не стоит купить и подарить живого человека, поставить на колени, показывая его ничтожность, а потом с чистым сердцем отправиться развлекаться.

Как только компания покинула дом, свет в гостиной автоматически погас. Час от часу не легче. Тимур попробовал разогнуться, но не тут-то было. Приказ, отданный маленькой серой кнопочкой, намертво сковал мышцы. Все что он мог себе позволить, так это немного приподняться на руках, и больше ничего. Ни встать, ни лечь, даже на бок завалиться нельзя.

Парень с досадой подумал, что через полчаса ноги и спина начнут затекать из-за неудобного положения, через час он

перестанет их чувствовать, а к утру вообще не сможет разогнуться.

– Вот с*ки, – вслух, громко выругался он, имея ввиду и белобрысую, и всю эту компанию и его новое наказание – Чучундру.

Внутри все бурлило и клокотало от одной мысли о новой хозяйке. Его продавали часто и много, и на тяжелые физические работы и в качестве домашнего песика. Но вот чтобы оказаться в таком плачевном состоянии – это впервые. Еще ни разу его не кидали на колени в первые пять минут, и не уходили развлекаться, бросив посреди комнаты.

Он приподнялся на руках, пытаясь хоть немного ослабить напряжение в спине и осмотреться. Кругом потемки, лишь тусклый лунный свет пробивается сквозь легкие шторы.

Вон она свобода, за дверью. Казалось бы, встань, сделай пять шагов и все закончится. Покинуть эту чертову планету, вернуться домой, начать новую жизнь, забыв об этих трех годах, как о страшном сне.

Мечты. Нелепые, бередящие душу, заставляющие задыхаться от беспомощности и мыслей: «Как же так? Неужели выхода нет, и это никогда не закончится?»

Тимур кое-как устроился поудобнее, приготовившись к долгой тяжелой ночи. Из клуба быстро не возвращаются. Он еще помнил, каково это, когда собираешься шумной компанией и идешь туда, где музыка, огни, горячительные напитки и распутные девушки. Их и искать не надо было, сами всегда

кружились вокруг, откровенно предлагая себя. Оставалось только выбирать. Когда-то он был доволен своей внешностью, словно мартовский кот. Щелкни пальцами и перед тобой уже десяток цыпочек томно выгибаются, призывно сверкая глазками. И можно кружить им голову, без каких-либо обещаний или обязательств.

На Ви Эйре ничего особо и не поменялось. Стоило только какой-нибудь дамочке его получше рассмотреть, как она вцеплялась в него своими когтями. Вот только теперь не было ни выбора, ни желания. Хочешь, не хочешь, а давай, а то еще хуже будет.

Первый хозяин, у которого он оказался, предпочел от него поскорее избавиться. Тогда Тимур еще не верил в происходящее, не верил, что вот так нелепо попался, не верил, что это все серьезно, что его никто не собирается отпускать. Он буянил, пытаясь доказать, что попал в это ад по ошибке, что его здесь вообще быть не должно. Приходил в бессильную ярость оттого, что не может сказать кто он и откуда, что вместо нужных слов из горла вырываются лишь хрипы. Не понимал, как они могут не видеть, что он вольный. Но по документам было все чисто, он сам видел это, своими глазами. Потомственный раб с дурным характером, вот что было там написано. А рабов за непослушание называют. И его наказывали не раз, жестоко, хладнокровно, словно и не человеком он был, а всего лишь бесправной вещью. Это было страшное время, бьющее по самолюбию, ломающее внутренний мир и

устой, разрушающее все, во что верил.

Сначала была наивная уверенность, что все это скоро кончится, что он выберется из этой жуткой ситуации не сегодня, так завтра, ну в крайнем случае через неделю. Однако неделя шла за неделей, месяц за месяцем, а ничего не менялось, наоборот становилось только хуже.

Потом наступил период депрессии, безнадеги, когда жить не хотелось. Когда каждое утро просыпаешься и понимаешь, что больше нет тебя – свободного парня. Есть Барсик, который вынужден молча, беспрекословно выполнять чужие приказы, желания, прихоти. И так будет продолжаться день за днем до самого конца.

Тогда он мечтал о том, чтобы все это прекратилось раз и навсегда. Лучше уж вообще не жить, чем так, словно скотина.

А потом природное упрямство, шальной характер и жажда жизни победили. Очнувшись после очередных побоев, Тим понял, что несмотря ни на что, в душе жила уверенность, что рано или поздно у него получится выбраться из всего этого дерьма. Надо только выжить, не сломаться, не потерять самого себя в этом безумии.

И он выживал, затолкав поглубже свою гордость и бешеный норов. Работал, делал то, что от него требовали. Отрепшенно наблюдал за происходящим вокруг, стойко переносил все наказания. Должен быть шанс выбраться из этого ада, главное не упустить его.

Вторым его хозяином стал суровый мужик, у которого в распоряжении было несколько шахт. Там он узнал, что такое работа на износ, на грани сил и возможностей, что можно до слез тосковать по солнечному свету и свежему воздуху. Чуть не погиб во время обвала, но выкарабкался. Один из всех, кто находился в тот момент под землей.

Потом был третий хозяин. Хозяин крупного бизнеса, день и ночь пропадающий на работе. После шахты работа у него воспринималась как увеселительная прогулка – ухаживать за садом, домом, небольшой конюшней. Все бы ничего, да вот его жена с первой же минуты положила глаз на молодого раба. Вот тут-то он впервые понял, что это такое когда нет возможности отказать. Да какое там отказать! Тебя ведь никто и не спрашивает. Приказано, значит делай. Иначе...

Этот кошмар закончился, когда хозяин заподозрил что-то неладное. Тогда ему тоже крупно досталось, и через неделю опять была перепродажа.

По какой-то нелепой иронии судьбы он попал в руки к подруге жены предыдущего хозяина. И назначение у него тогда было только одно. Лучше не вспоминать те вещи, что приходилось вытворять. До сих пор передергивало от отвращения, стоит только вспомнить уже несвежую, но все еще молодящуюся тетку, украшающую свои покрытые пигментными пятнами пальцы массивными перстнями, завивающую крашенные волосы, ярко красящую дряблые губы. Тимуру приходилось держать себя в руках, чтобы не передергиваться

каждый раз, когда она к нему приближалась. А уж ее дружеские посиделки с такими же перечницами, вообще вспоминать не хотелось! Хихикающая старая нимфетка любила похвастаться им перед своими подругами красивым рабом. Он был вынужден стоять перед ними и терпеть жаждущие плотоядные взгляды. Кстати, иногда она милостиво делилась им... брррр. В тот момент он просто ненавидел свой внешний вид, благодаря которому теперь он превратился в игрушку для озабоченных сучек.

К счастью такая жизнь быстро закончилась. Померла старушка, insult подкосил ее внезапно, спасти ее не удалось.

Тимур, не успев даже вдоволь позлорадствовать, попал опять на продажу. Дальше пошел калейдоскоп: ферма, стройка, озабоченная сучка, шахта, сучка, пожилая пара, сучка, старая сучка, ферма, какой-то дом, ферма, стройка, ангары, завод, толстая сучка, большой дом, маленький дом, огромный дом... Чучундра.

Столько всего перепробовал, что любой другой сломался бы на его месте, сошел с ума. А он нет: выживал, выкручивался, подстраивался. Где-то держался несколько месяцев, а где-то всего пару дней.

А теперь оказался здесь, в темной безлюдной гостиной на коленях, в ожидании возвращения новой хозяйки.

Перед глазами опять возник ее образ, заставляя ежиться и скрипеть зубами. Такого экспоната в его коллекции еще не было. Мало того что страшная, как атомная война, так еще и

бестолковая как пробка. Вон как белобрысая игралась с ней, подсунув сначала скан-чип, а потом "часы", как заставила ее нажать на ненавистную кнопку, а эта Чучундра только глазами глупо моргала и что-то мычала противным хриплым голосом.

Жуть. Тут даже если жизнь на волоске будет, не найдешь в себе сил подойти к ней и прикоснуться.

Может ей и не надо этого? Может, пронесет? Выглядит так, будто уже на ладан дышит и собирается помирать на днях. Может, ей нужен именно работник, а не игрушка для плотских утех?

Хотя, такие наоборот не упустят возможность, так сказать оттянуться напоследок.

Черт, как не хочется-то, аж до дрожи в груди.

А может она не рассмотрит его из-за своих жутких очков? Выглядел он сейчас, наверное, не лучше чем сама новая хозяйка. Тощий, лохматый, бородатый. Растрепанная длинная челка падает на лицо, прикрывая глаза, мешая обзору. Неопрятная растительность на лице. Да и сам весь потрепанный, измученный, никакого товарного вида, как говорил один из надзирателей в боксах.

А вдруг повезет?

Сейчас, раз мечтался. Первым делом погонит в ванну, приводить в порядок.

Эх, как бы так сделать, чтобы сохранить и бороду, и космы? Может умалишенным притвориться? Или буйным? Она

ведь еще не видела, что татуировка фиолетовая. Вдруг испугается и продаст? Еще ни разу он так не мечтал о том, чтобы его поскорее продали и неважно куда и кому.

Может, наоборот притвориться задохликом, полубольным? А что, может получится. Сама убогая, и наверняка захочет избавиться от такого же раба. Зачем ей такой унылый хр*н?

Ладно, надо посмотреть на нее поближе, попытаться понять какая она, а уж потом выбирать линию поведения.

Тимур тяжело вздохнул, еще раз попытался разогнуться и размять затекающие мышцы – безрезультатно. С тоской подумал о том, что завтра и встать не сможет, а все тело будут сводить болезненные судороги.

Эх, заснуть бы, чтоб хоть немного отвлечься от своей незавидной судьбы. Да только мечтать не вредно. Стоило только прикрыть глаза, как перед мысленным взором возник прекрасный лик Чучундры болотной.

Глава 5

Осталось 39 дней

Я веселилась до самого утра. Хотя как сказать, веселилась. Заставляла себя улыбаться, шутить, показывать всем, что у меня отличное настроение, и я невероятно счастлива. До безумия. До истерики. До слез. И тянула время, как могла, лишь бы не возвращаться домой.

Хотя на самом деле мне больше всего хотелось оказаться у себя в спальне, забраться под одеяло, накрыться с головой и не высовывать оттуда носа до тех пор, пока проблемы не рассосутся сами собой, без моего участия.

Еще мне хотелось на диван, подремать под звук работающего телевизора. Или почитать.

Но я не могла заставить себя вернуться домой. Там был он...

Эйфория от того, что успела подать заявление на освобождение и спасла любимую работу постепенно сошла на нет, оставив после себя горькое послевкусие.

Ума не приложу, что теперь делать!

Четыре месяца держать его рядом с собой? И как это вообще можно себе представить?

Его же надо кормить, поить, чтобы не помер от голода. Судя по его виду, сытой его предыдущую жизнь не назовешь.

Место надо где-то выделить!

Может положить коврик в прихожей? Поставить рядом миску...

Блин! Вот о чем я думаю? Что за бред в голову лезет? Это все нервы, выпить бы парочку успокоительных пилюль, да нельзя. Август, будь он неладен.

Ладно, черт с ним с местом и едой, это все мелочи, о которых я стенаю, чтобы не думать о главном.

Он раб, а я хозяйка, и теперь должна как-то им управлять, направлять, контролировать. Что, если не выйдет? Вдруг он упрямый и злой? Да с чего ему вообще добрым быть? Что я в своем нынешнем виде могу сделать? Да даже если бы в нормальном состоянии была, какая разница?! Я понятия не имею как себя вести, что говорить, как к нему обращаться.

Барсик!? Кто-то хорошо пошутил, придумывая ему имя. Дядька, поди, ненавидит свою кличку, по-другому и не скажешь. И как вот прикажете мне его звать? Просто Барсиком? Барсом? Кис-кис?

Ну, Марика! Ну, дрянь, погоди у меня!

А что с браслетом делать? Там их два. Насколько я понимаю, один рабу другой хозяину. И что дальше? Я должна надеть его и подзывать свое имущество нажатием кнопок? Бррррр.

Не хочу, не буду! Не нужно не никаких браслетов!

Хотелось вопить от злости, ярости и откровенного страха перед будущим, а вместо этого я продолжала веселиться в

этом проклятом клубе.

Может с отцом помириться? Рассказать свою ситуацию и пристроить Барсика к нему на эти четыре месяца? А что, идея! Уж папаша точно знает и умеет обращаться с рабами. Отдам его и дело с концом! А что, я пока хозяйка, что хочу, то и делаю. Посидит на ферме у Чуракова старшего, поработает, а через четыре месяца пойдет по своим делам. Только скажу отцу, чтоб кормить не забывал, не бил, да и вообще, чтоб не угробил до этого срока.

Сколько бы я не пыталась тянуть время, а возвращаться домой все равно пришлось. С друзьями мы распрощались у выхода из клуба. Руслан и Сэм направились продолжать гулянку, Таисия с Вадимом по своим романтическим делам, а я, обливаясь потом от предвкушения предстоящей встречи, села в такси и направилась домой.

Рассеянным, усталым взглядом скользила по домам, мимо которых мы проезжали, мысленно проговаривая диалог, который должен был сейчас состояться у нас с Барсиком. Представляла, как я ему объясняю неизбежную необходимость отправиться на ферму, что ему там будет хорошо, как я буду суровой, но справедливой и великодушной.

В общем, так активно вела разговор с самой собой, что даже поверила в то, что собиралась ему сказать.

Чего я, собственно говоря, пасую? Да ему повезло со мной несказанно! Четыре месяца и свободен!

Когда такси вывернуло на аллею, ведущую к моему дому,

я уже была в полной боевой готовности: собранная, решительная, целеустремленная. Знала, что буду говорить, и даже, как мне казалось, была уверена в реакции с его стороны.

Такси притормозило у крыльца, расплатившись, я с надсадным пыхтением выбралась наружу. Эх, чувствую, после такой ночи придется мне расплачиваться болью во всем теле. Усталость разливалась по организму, но как ни странно, спать не хотелось. Наверное, последние события вызвали такой всплеск адреналина, что прощай сон надолго.

Желтая машина плавно тронулась с места и, развернувшись перед моим домом, поехала прочь. А я стояла и смотрела ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Раннее утро, часов пять, не больше. Приятная свежесть, красивые переливы птиц, ласковое, только поднимающееся из-за горизонта солнышко. Красота, тишина, спокойствие.

С тяжелым вздохом развернулась и, прихрамывая, поковыляла к двери. Сама не знаю почему, остановилась, схватившись за ручку, замерла и с какой-то тоской попыталась рассмотреть хоть что-то через окно. Внутри стоял полумрак, и сколько я не пыталась, не могла увидеть человека, из-за которого чуть вся моя жизнь не пошла под откос.

Чем дольше я стояла, тем быстрее улетучивалась моя собранность и решимость. Дыхание сбилось, сердце зашло в бешеном танце, руки вспотели. Что я там собиралась ему сказать? Все мои рассуждения и подготовленная речь, внезапно показали мне нелепыми, жалкими, убогими. Да я да-

же подойти к нему не могла, не то что заговорить!

С тихим сдавленным стоном отпустила ручку и отступила на шаг, не в силах себя заставить войти внутрь. Не могу! Хоть ты тресни!

Кляня себя, на чем свет стоит, за внезапную необъяснимую трусость, развернулась и побрела к черному выходу.

В дом можно было попасть либо через центральный вход напрямую в гостиную, либо через второй вход, выходящий на задний двор. Вот туда я и поковыляла, сердито пиная камушек, попавшийся на пути.

Тоже мне управленец! Инспектор юридического отдела! В такие передряги попадала, а тут спасовала перед рабом. Это ему должно быть плохо и неудобно, а не мне, в конце-то концов!

Добралась до задней двери, почему-то осторожно, с замиранием сердца нажала на ручку и скованно, задержав дыхание, заглянула внутрь.

Тишина.

Облизнув пересохшие губы, осторожно зашла внутрь, оказавшись в длинном темном коридоре. Несколько минут простояла, отчаянно прислушиваясь, и пытаюсь уловить хотя бы какой-то звук. Ничего.

Длинный коридор шел от задней двери до главной гостиной, и в него выходило несколько дверей. С одной стороны кухня, моя комната, гостевая. С другой стороны кабинет и еще две гостевые, одна большая, а вторая совсем крошечная.

Вот именно туда я этого Барсика и поселю! Точно! А что, пусть маленькая, зато кровать есть, шкаф, стол и даже свой санузел. Думаю, он о таком и мечтать не смел! Пусть радуется.

Только смогла себя убедить в том, что я великодушна, заботлива и самое главное смела, как умудрилась в потемках задеть картину, висящую на стене и уронить ее на пол.

Черт!

Смелость опять улетучилась, словно ее и не было, и остаток пути до двери в свою комнату я проделала на цыпочках. Зашла внутрь, тихонько прикрыла дверь и, зажмурившись, прижалась к ней спиной.

Сердце с таким надрывом перекачивало кровь по венам, что в ушах стоял гул.

Зачем я в комнату зашла? Мне надо в гостиную! Поговорить с ним, пообщаться, да просто рассмотреть поближе, что там за подарочек мне судьба вручила.

А вместо этого я спряталась в своем логове, и испуганно прислушиваюсь к своему сердцебиению. Что за трусиха! Надо идти к нему!

Вот. Вот. Сейчас. Еще пару минут и пойду.

Пытаясь себя убедить в этом, я отошла от двери, дохромала до кровати и, тяжело вздохнув, присела на ее уголок. Во рту горький привкус, в ушах гул, в душе не пойми что твориться.

Знаю, что надо идти в гостиную, что оставила его по-скот-

ски на полу, но не могла себя заставить даже пошевелиться. Опустила взгляд на часы. Уже почти пять. Или еще только пять? Может, он спит? Отдыхает от пережитого стресса, а в том, что этот самый стресс у него был, не сомневаюсь. Не каждый ведь день тебя дарят, да еще такой распрекрасной принцессе как Василиса Чуракова.

Точно! Спит!

Пусть спит, было бы неправильно беспокоить его в такую рань, пусть отдыхает.

С каким-то отчаянием ухватилась за эту нелепую мысль, дающую мне возможность еще ненадолго отложить нашу теплую встречу.

Сна не было ни в одном глазу, поэтому я решила привести себя в порядок. Приняла воздушный душ, избавивший меня от прокуренной атмосферы клуба, приняла лекарства, позволила роботу-доктору сделать мне уколы, после которых пришлось немного полежать, спасаясь от головокружения.

Взгляд упал на календарик с розочками. Хотела было зачеркнуть еще день, но остановилась. Рано, этот день еще прожить надо, и судя по тому, как надрывно бьется сердце, задача будет не из простых.

Хм, надо еще один календарь завести и там вычеркивать дни до того счастливого момента, когда смогу отпустить Барсика на волю и забыть обо всем этом безумии.

Шесть утра.

Пытаясь сдержать внутренний шторм, от которого руки

ходили ходуном, мелкими нерешительными шажками направилась к двери. Давай, Васька, сделай это! Проблема сама не рассосется, и ты это знаешь.

В нерешительности сжав дверную ручку, простояла так наверное минут десять, не меньше, прислушиваясь к внутренним весам "идти – не идти", а потом, в очередной раз тяжело вздохнув, вышла в коридор и медленно, через силу, побрела в гостиную.

Будто воровка, незаконно проникнувшая в чужие владения, я осторожно продвигалась по собственному дому. Длинный коридор в этот раз показался мне короче мгновения.

С трудом сдерживая тяжелое дыхание, я вышла в гостиную. На барной стойке валялись небрежно брошенные мной подарочные коробочки, браслет и скан-чип. Еле удалось сдержать стон разочарования. Видать где-то глубоко внутри я надеялась, что все это нелепая, кошмарная иллюзия, но предметы, попавшие в поля зрения, перечеркивали все надежды.

Он тут.

Еще несколько шагов и я приблизилась к стойке.

Может, все-таки его нет? Воспользовался отсутствием хозяйки и сбежал?

Еще шаг и взгляд натывается на нелепую сине-красную клетчатую рубашку. Судорожно вздохнула, не в силах даже шевельнуться.

Барсик (сейчас стошнит от этого имени, вернее клички)

находился именно там, где мы его вчера и оставили, в той же самой коленопреклонной позе.

Черт! Он что не мог за все это время по-другому устроиться? Или специально к моему приходу в такую позу вернулся? Не зная, что делать, покосилась на браслет. Что я там на нем нажала по указке Марики, отчего дядьку на пол свалило?

Блин, а что, если у него просто не было возможности лечь или сесть? Что, если эти чертовы кнопки отдают приказы, которые по своей воле не обойти? Да у него же за ночь в такой позе ни единого живого места не осталось! От этой мысли мне подурнело и пришлось вцепиться в столешницу.

Опять посмотрела на свою "собственность". Дыхание тяжелое, неровное, быстрое. Значит, ни черта не спит, притих, ждет моих действий.

А что мне делать? Чуть не завывала от безысходности. Я. Не. Знаю. Что. Делать.

Безумно захотелось развернуться и ухромать в свою комнату, закрыться там и будь что будет. Остановила меня только мысль о том, что ему сейчас хреново. Гораздо хреновей, чем мне. И страшно. Хотя у самой зубы от ужаса сводило.

Давай, Василиса, соберись!

– Эй, ты там живой? – странным каркающим голосом произнесла я.

Минутная тишина, потом хриплый сдавленный ответ:

– Да.

У меня волосы на руках дыбом встали. Это же человек, живой, мать его, человек! И он по всем документам принадлежит мне, как какая-нибудь табуретка. Безумие! Страшное безумие, оплетающее меня липкой паутиной паники. Я не справлюсь! Я точно с этим не справлюсь.

Стою над ним, а у самой руки трясутся, ноги, внутри все ходуном ходит.

Черт! Что я делаю? Почему стою как умалишенная над ним? Его же поднять с колен надо, поднять из этой унижительной позы.

И не особо думая о последствиях резко произнесла:
– Поднимайся!

Сама дернулась от фразы, сорвавшейся с моих губ. Прозвучало грубо и зло. И не важно, что злилась я на саму себя и больше ни на кого.

Он этого не знал.

Дрогнув от моего тона, попытался распрямиться, подняться, но вместо этого повалился на бок с громким стоном.

Мамочки! Зажав рот руками, я наблюдала за его мучениями. У него после такой ночи все мышцы должно было свести, а тут я со своим "поднимайся". Идиотка!

Первым порывом было бросится к нему, что бы помочь, но резкая боль спине, напомнила о моем плачевном состоянии. Да, я даже нагнуть к нему не смогу, какая тут помощь? Помощница, блин, нашлась!

Насколько могла быстро подошла к шкафу, распахнула

дверцу и дрожащими руками стала перебирать всякую мелочь на полках. Тут должны были быть таблетки. Обезболивающее. Я точно помню, сама их сюда клала!

С трудом сдерживаясь от того, чтобы не зареветь, копалась в шкафчике, слыша как за моей спиной тяжело дышит человек, мучающийся от боли.

Пальцы наткнулись на нужную коробочку. Ура. Кое-как выдавила несколько штук. Схватила графин с водой и налила в стакан, безбожно звеня стеклянными стенками из-за трясущихся рук, и повторяя про себя как заведенная: мама, мамочка. Будто это могло меня спасти.

– Устройся как тебе удобно, – вымученно промычала, ставя полный стакан на стол, – вот таблетки. Прими две, должно быстро полегчать.

Это все, на что меня хватило. Бросив еще один затравленный взгляд на раба, метнулась прочь, желая оказаться как можно дальше от этого ада.

Завалилась в кабинет, с грохотом захлопнула дверь и еле удержалась на дрожащих ногах. Я так не могу! Я с ума сойду! Уже схожу!

Хотелось выть, реветь, а еще лучше схватить этого оборванца в охапку и отвезти Маришке, пусть сама с ним разбирается, она ведь умеет с рабами обращаться.

Чувствую, что мной завладела самая настоящая паника, которая может привести к самой настоящей истерике. Тихонько всхлипнула от жалости к самой себе, да и к этому бе-

долаге, который корчился на моей кухне.

Так, подтяни сопли, тряпка! Вдох, выдох, успокаивайся! Нельзя так переживать, а то не доживешь до того славного дня, когда корсет снимут.

Но как же тошно! Прикрыла глаза, чувствуя, как внутри все дрожит. Безумие, чистой воды. Как я умудрилась попасть в такую ситуацию? Ни кто-нибудь, а именно я!

Почувствовала, что не справлюсь сама с неумолимо надвигающейся истерикой. Мне нужна помощь. Опустила взгляд на компьютер, стоявший на столе. Можно с кем-нибудь связать, поговорить, пожаловаться.

Маму набрать? Нет, не зачем ее так волновать. Она отца бросила тогда из-за рабов, а если сейчас узнает, во что вляпалась ее дочь, то с ума от переживаний сойдет.

Таська? Думаю, им с Вадимом сейчас не до меня.

Ник? Точно! В конце концов, из-за его высказывания с котом, весь этот кошмар закрутился.

Больше не раздумывая ни секунды, зашла в специальную программу и, набрав его номер, стала ждать. Покосилась на часы, пятнадцать минут седьмого. Рановато. Дрыхнет, наверное, как убитый, сегодня ведь воскресенье. Но мне действительно очень нужна была помощь, поэтому я не отступала, упрямо вызывая абонента.

Прошло не менее десяти минут упорных, настойчивых звонков с моей стороны, когда наконец экран ожил, моргнул и передо мной оказался взъерошенный Никита.

Одной рукой парень опирался на стол, а второй самозабвенно, с остервенением тер лицо, пытаясь хоть немного придти в себя. Я смерила его оценивающим взглядом: глаза красные, волосы торчат в разные стороны, лицо осунувшееся, из одежды только наспех натянутые белые боксеры. Явно всю ночь дебоширил. Увидев меня, он выдавил из себя что-то нечленораздельное, раздраженно мотнул головой, пытаясь отогнать от себя сон, и хрипло пробасил:

– Чу, ты с ума сошла? На часы смотрела?

Я лишь кивнула.

– У меня сегодня первый выходной за две недели, я полночи пил как свинья, а полночи это... того самое, – он мотнул головой в сторону кровати, стоящей за его спиной, – ну в общем ты поняла, не маленькая.

Я проследила за его взглядом и увидела чью-то розовую пятку и пятую точку, небрежно наполовину прикрытую простыней:

– Все ясно, – протянула, пытаясь разглядеть подробности, на мгновение даже забыв о причинах, побудивших меня позвонить ему в такую рань.

Ник хмыкнул и встал так, чтобы загородить мне обзор.

– Хватит пялиться, а то я подумаю, что тебе не все равно.

– Мне не все равно, – ответила я в тон ему, – ты же знаешь, что я всегда думаю о тебе, днем и ночью. Особенно ночью, – томно закусила губу. Боюсь, в нынешнем виде этот жест можно было назвать каким угодно, но только не том-

ным. Вот и Ник рассмеялся:

– Да-да, я знаю, что неотразим.

– Угу, настоящий Аполлон.

– Да что там Аполлон, зови меня просто "мой Бог", – он улыбнулся, и поиграл совершенными мышцами груди.

Я как дура хихикнула, правда смех вышел с истерическими нотками.

Как нетрудно догадаться, нас с Ником связывала не только дружба. Только придя, работать в управление, я буквально потеряла разум от обалденного красивого парня работающего в отделе. Брюнет с темными глазами, небрежной небритостью на лице, добавляющей ему шарма, неподражаемой белоснежной улыбкой и отменным чувством юмора. А если учесть высокий рост, широкие плечи и идеальные кубики пресса, то у меня просто не было шанса устоять. Хотя это как посмотреть. Возможно, шансов не было у него, ведь Василиса Чуракова объявила на него самую настоящую охоту. В общем, у нас закрутился роман, яркий, безумный, непредсказуемый как шторм.

А потом нас внезапно сделали напарниками. И как-то само собой страсти утихли, и мы оба пришли к выводу, что отношения на работе не нужны ни мне, ни ему. Безумное увлечение пропало, будто его и не было, оставив после себя только крепкие дружеские отношения, без сексуальной напряженности. Да, мы друг над другом постоянно прикалывались по этому поводу: он проходился резким словом по мо-

им кавалерам, а я, не оставаясь в долгу, промывала косточки его бесконечным пассиям. Что и говорить, а с такой внешностью, Ник был знатным кобелиной. Но это все были приколы, не более того. Даже сейчас я смотрела на его идеальное тело, некогда принадлежавшее мне, без какого-либо трепета, как на красивую картинку в журнале. Я знала, что он мой самый близкий друг, который не раздумывая прикроет в трудную минуту, на которого можно положиться во всем, и он мог сказать тоже самое обо мне. Он для меня стал как старший брат, который готов оторвать голову любому, посмевшему хотя бы косо посмотреть в мою сторону, и это неизменно грело.

Парень тем временем подвинул стул и тяжело плюхнулся на него.

– Ладно, теперь когда мы выяснили, что ты по-прежнему от меня без ума, рассказывай по какому поводу столь ранний звонок.

По какому поводу?

Твою м-мать! Мозг, пытаясь защитить и без того измученную психику, ненадолго выкинул все мысли про Барсика, а теперь они нахлынули с новой силой, вырвав стон из моей груди:

– Чу? – он смотрел на меня, поднимая брови.

– Ник, – то ли простонала, то ли промычала я, – это важный, личный разговор. Выпроводи эту задницу из своей комнаты.

– Вась, не будь стервой, тебе не идет. У меня на эту задницу еще планы есть, – он многозначительно повел бровями.

– Ты хоть помнишь, как ее зовут?

– Да, конечно! Светлана... или Екатерина... или... нет точно Екатерина! – он убежденно кивнул головой.

– Ты не исправим!

– Знаю.

Девушка на кровати тем временем завозилась и подняла с подушки растрепанную голову, сонно жмурясь осмотрелась и, заметив Ника за компом, стала подниматься. Встала на ноги, стянула на себя простыню, нелепо обмотав ей обнаженное тело, и пошатываясь, неровной походкой побрела в его сторону. Я не смогла сдержать усмешки, похоже, ночь с Никитой тяжело ей далась.

– С кем ты там разговариваешь? – в ее голосе явно слышались подозрительные нотки. Парень, сидевший в этот момент ко мне лицом, обреченно закатил глаза. Девушка тем временем подошла к нему вплотную и сердито заглянула в экран, желая увидеть собеседницу своего любовника. Не знаю, что именно ожидала она там лицезреть, но явно не мою прекрасную физиономию. Она замерла, как-то удивленно и неуверенно хлопая большими кукольными глазами.

Блин, знаю, что страшна, как ночной кошмар, но что ж так откровенно пялиться?

– Ник? – почему-то шепотом проговорила она, наверное, боясь, что чудовище в моем лице ее услышит и сожрет.

– Это коллега по работе, – невозмутимо ответил Лазарев, повернувшись к ней в полоборота, – раз уж встала, будь другом, сделай мне кофе, а то голова раскалывается.

– Хорошо, – кратко ответила она, бросив в мою сторону еще один непонятный взгляд, поцеловала его во взьерошенную макушку и направилась к двери.

Он подождал, пока дверь за ней закроется, и снова повернулся ко мне:

– Ну, давай, срази меня своим разговором, который не мог подождать хотя бы девяти утра, – он подпер щеку рукой и посмотрел на меня преданными глазами.

– Хватит строить из себя клоуна, – прошипела я, чувствуя, что притихшая было истерика снова набирает обороты, – ты мне своими шуточками чуть всю жизнь не испоганил.

– Ого, это уже серьезно, – хмыкнул он, не отрывая взгляда от моей физиономии, – и чем тебе мои шуточки не угодили?

Я не удержалась и некрасиво всхлипнула, прижимая руку к губам.

– Эй, Чу, ты чего? – Никита нахмурился и подался вперед, ближе к экрану, – ты реветь, что ли собралась?

Я судорожно замотала головой, из последних сил загоняя слезы подальше.

– Я сказал что-то, что тебя обидело? – на его лице застыло удивление.

Опять мотаю головой.

– А что тогда? Мне долго из тебя вытягивать информа-

цию?

– Ты сказал, чтобы мне подарили кота, – наконец просто-насла я.

– И чего в этом такого? – он удивленно посмотрел на меня, – подумаешь... или подожди... тебе, что реально притащили кота? Кто отличился? Дай угадаю блондинка, которая была у тебя дома? Как ее там? Марика?

Лазарев заржал, прикрыв лицо рукой. Ему, с*ка смешно, а у меня все кишки от ужаса в клубок сжимаются.

– Нет, Никит, – хрипло проговорила, рассматривая руки, – она подарила мне раба, с кошачьим именем Барсик.

Смех оборвался на середине. Сквозь раздвинутые пальцы парень недоверчиво смотрел на меня:

– Что ты сказала?

– Что слышал, Ник, – простонала я, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки.

– Ты сказала раба? – изумленно переспросил он.

Я лишь кивнула.

– Я надеюсь, тебе хватило ума отказаться от этого подарка?!

– Нет, – всхлипнула я, и рассказала, как Марика подсунула мне активированный скан-чип.

– Вась, мать твою, – взревел он, вскакивая на ноги, – ты... ты... ты дура!

Он начал широкими шагами мерить комнату, мечась из стороны в сторону, вцепившись одной рукой себе в волосы.

– Черт! Да, неужели тебе предыдущего раза было мало, и ты опять что попало в руки хватаешь? – теперь он, не скрываясь, орал на меня, откинув в сторону все свои шутки, а я сидела перед монитором, жалобно поскуливая, – забыла, да? Так, подойди к зеркалу! Посмотри! Может это освежит твою память! Я в тот раз чуть не поседел, вытаскивая тебя из под обломков, а ты опять с разбегу и на те же грабли!

Он прав. Он во всем был прав! Два с половиной месяца назад, мы с ним закончили работать над большим делом. И могу сказать без лишней скромности, что именно благодаря мне нам удалось раскрутить запутанный клубок афер, по отмыванию крупных сумм денег. Я была горда собой, ходила вся надутая, как индюшка. И вот, спустя пару дней, в офис пришел самый обычный курьер, и принес на имя Чураковой Василисы серую неприметную папку.

Я ее приняла и почему-то беспечно, не потрудившись проверить, хотя по протоколу это было положено в обязательном порядке, открыла. А дальше был ад.

Взрывной волной меня откинуло к стене, разворотило весь кабинет, вынесло окна на всем этаже. По счастливой случайности в комнате кроме меня и курьера никого не оказалось. Не знаю, что стало с ним, лично я была уверена, что не выкарабкаюсь. Помню, тогда меня поразило отсутствие боли, вокруг хаос, крики, обломки, а мне не больно, совсем. Тогда я не сразу поняла, что от моей спины остались лишь осколки. Я была в каком-то рассеянном сознании, пока меня

извлекали из-под завалов. Помню Ника, который орал, чтоб я не смела закрывать глаза и терять сознание, дорогу в больницу, врачей. Все это словно в пелене, а потом я, видать, все-таки отключилась, потому что следующим эпизодом в моей памяти стало пробуждение в реабилитационном центре Августовского. Вот тогда и боль, и осознание случившегося накрыло по полной программе.

Тем временем дверь в комнату Ника открылась, и внутрь вошла девушка с кружкой кофе. Она уже успела накинуть на себя длинную ажурную тунику. Девушка удивленно покосилась на разъяренного Никиту, мечущегося по комнате, потом на меня:

– Ник, а может... – начала было она, но была достаточно грубо прервано.

– Кать, спасибо, извини, у меня дела.

Девушка тут же вспыхнула:

– Я не Катя! Я Лена.

– Да, мне плевать! – Лазарев, не смотря на все свое обаяние, умел быть самым настоящим хамом, – Катя, Лена, Света. До свидания!

– Ты...ты...свинья! – взвизгнула она, сжимая кулачки и делая шаг в его сторону.

– Знаю, все пока, – парень лишь отмахнулся, а я предпочла отвернуться. Не знаю как ему, а мне было неудобно.

Лена сердито обозвала его скотом и бросилась к выходу:

– И не смей мне звонить! – прошипела она в самых две-

рях.

– Да, я и не собирался, – раздраженно припечатал Никита, и ответом ему был грохот со злостью захлопнутой двери. Как только косяк не треснул:

– Ник, это было грубо, – с упреком пробубнила я, боясь даже представить, что испытывала девушка в этот момент.

– Тебе повезло, что ты на другом конце света, – рыкнул он, – будь ты рядом, я бы показал тебе, что такое грубо! Ты понимаешь, что тебя теперь уволят? Выгонят взащей без права восстановления! Понимаешь?

– Не должны, – подала я слабый голос.

– Серьезно!? – он всплеснул руками, – ну раз ты так говоришь, то переживать не о чем, ты же, блин, самая умная!

– Я подала запрос на его освобождение в течение двух часов с момента активации чипа, вроде все по протоколу, – пропищала я, тушуясь под сердитым взглядом друга.

Никита замолчал, и склонив голову на бок задумался, по-видимому, пытаясь вспомнить содержание протокола, а я сидела и с надеждой смотрела на него.

– В какой срок будут готовы документы на освобождение, – наконец поинтересовался он деловым тоном.

– Четыре месяца, с момента подачи.

Он удовлетворенно кивнул:

– Похоже, действительно успела. Ладно, хоть на это мозгов хватило!

– Ты собираешься и дальше изводить меня своими нраво-

учениями?

– Я собираюсь тебя придушить при первой же возможности! И чувствую, меня не удержит даже слово данное Майлзу!

Я смирила его сердитым взглядом, но Никита не проникся, несмотря на то, что затронул болезненную запретную тему.

Еще одна причина, связывающая нас вместе – это Майлз. Лучший друг Ника, с самого детства. Я познакомилась с ним уже после расставания с Лазаревым. Взглянула в зеленые смеющиеся глаза и пропала.

Если с Ником было чистой воды влечение, страсть, то с Майлзом я забывала как дышать, не видела ничего вокруг кроме него, ловила каждое слово и была готова идти за ним хоть на край света. Любила больше жизни.

Помню, какое-то время мы пытались скрывать наши отношения от Ника, опасаясь его реакции, и как оказалось зря. Этот паразит давно уже все понял, и только делал вид, что не знает. Когда же мы ему все рассказали, он ограничился только едким "ну, наконец-то, а то надоело из себя идиота строить".

Я была счастлива до безумия. Майлз сделал мне предложение и это был лучший день в моей жизни. А потом все сломалось.

Во время выполнения очередного задания его группа попала под обвал. Живым из-под обломком извлекли только его. Я сидела в больничной палате, до которой сжалась вся

моя вселенная и молилась, что бы он пришел в себя, чтобы снова увидеть любимую улыбку и свет зеленых глаз.

И он пришел в себя. На две минуты. Как раз в тот день, когда Ник смог выпроводить меня домой, чтобы я переоделась и отдохнула. Все, на что ему хватило времени, так это попросить друга, чтобы он за мной приглядывал. Лазарев пообещал, что глаз с меня не спустит. И все. Конец.

Больше двух лет уже прошло, а рана на сердце то и дело давала о себе знать. За все это время я так и не смогла завести серьезных отношений, ограничиваясь редкими свиданиями. Просто внутри все будто замерзло, после того как Майлз оставил меня

– О чем гредишь, прекрасная моя? – желчный вопрос Никиты вывел меня из ступора.

Я бросила на него сердитый взгляд, на что он ответил лишь иронично изогнутой бровью. После новости о том, что я подала документы на освобождение, он немного успокоился. Подошел к столу, сел, подвинул к себе кружку кофе, принесенную уже бывшей пассией:

– А теперь давай с самого начала и во всех подробностях.

С тяжелым вздохом начала свой невеселый рассказ, стараясь не упустить никаких деталей. Парень слушал меня и с каждой моей фразой все больше мрачнел. Наконец я вывалила ему все, что произошло, заканчивая моментом моего позорного побега из гостиной. Потом он достал сигарету и закурил, прямо в комнате.

– Ты чего? – Удивленно поинтересовалась у него, – ты ж вроде бросил?

– Бросишь тут с тобой, – Лазарев смотрел на меня исподлобья, задумчиво потирая подбородок, – Чу, я сейчас задам тебе несколько вопросов, будь добра отвечай на них только да или нет. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась я, не понимая, чего ему от меня надо.

– Тебе подарили раба, так?

– Да.

– Ты активировала скан-чип, так?

– Да.

– И через минуту, ты его уже бросила на колени, так?

– Да, – ответила, подозрительно сощурившись. Куда он клонит?

– А потом свалила в клуб, оставив его на полу, так?

– Да, – голос внезапно стал сиплым.

– Угу, – он удовлетворенно кивнул, – а потом ты всю ночь, вместо того, чтобы вернуться и поднять его, развлекалась, оттягивая момент возвращения домой, так?

– Да, – уже не сип, а писк.

– Отлично. Соизволив все-таки вернуться домой, ты вместо того, чтобы пойти и убедиться все ли с ним в порядке, спряталась по крайней мере на час у себя в комнате, да?

Я лишь кивнула.

– Я не слышу ответа, – холодно произнес парень.

– Да, черт тебя подери!

– Молодец. А потом, когда все-таки соскребла в кучку всю свою смелость и вышла на свет белый, приказала ему, прошедшему столько часов в неудобной позе подниматься, да?

– Да, – я уткнулась носом в свои ладони.

– А потом, ты достала таблетки и налила воды человеку, которого мучает боль и наверняка жажда, и поставила все это на стол, так что бы он видел, но не мог сам достать, вместо того чтобы дать в руки. Я правильно понял?

– Да, – простонала я, не в силах посмотреть на него.

– То есть он там валяется на полу, подышает от боли, мечтая о глотке воды, а ты тут сидишь и треплешься со мной на отстраненные темы?

– Да!

– Что да?! Ты еще пять вопросов назад должна была вскочить и метнуться к нему! – жестоко припечатал он.

– Ни-и-ик, – простонала я, – я не могу! Я потому тебе и позвонила, что не могу, не справлюсь! Мне хреново и страшно до одури!

– Тебе хреново?! Вася, очнись. Ты по сравнению с ним в полном шоколаде! Вот кому хреново, так это Барсику твоему.

– Он не мой!

– Твой, радость моя, твой. Так что прекрати ныть, соберись и иди, помоги ему. Дай эти чертовы таблетки и воду. Отведи в комнату, позволь отдохнуть и придти в себя. А по-

том мы продолжим разговор. Все, вперед и с песней!

Я жалобно посмотрела на него, на что Лазарев безапелляционно указал на дверь:

– Василиса! Не разочаровывай меня! Что за истерики и трусость? На тебя вообще не похоже. Иди!

Как во сне я поднялась, развернулась и мелкими шажками направилась к выходу. Черт, я не смогу, рухну в обморок, где-нибудь в этом дурацком коридоре.

На цыпочках двинулась в сторону кухни, но, не дойдя и до входа, остановилась, почувствовав, что не могу дышать.

Черт, черт, черт! Не могу! Я не могу! Это выше меня! Я не справлюсь!

Тихонько пискнув, еле успела зажать себе рот руками, чтобы не закричать от ужаса, и вместо того, чтобы подойти к рабу, начала пятиться, до тех пор, пока опять не достигла дверей кабинета, после чего ввалилась внутрь и тяжело дыша, прижалась лбом к косяку. Трусиха! Ср*аная малодушная трусиха!

– Кх-кх, – раздалось со спины. От неожиданности я подскочила и резко обернулась.

С экрана монитора на меня смотрел Никита, меланхолично подпирающий щеку рукой:

– Семнадцать секунд, – произнес пареньь.

– Что? – я не поняла о чем он.

– Я ждал, через какой промежуток времени ты вернешься обратно с поджатым хвостом. Так вот – семнадцать секунд.

Я почувствовала, что безбожно краснею, несмотря на то, что крови во мне сейчас кот наплакал.

– Я дала таблетки и воду, – соврала, пряча взгляд.

– Правда? – Ник с усмешкой наблюдал за моими мучениями, – ты никогда не умела мне врать.

– Знаю, – прошептала, прикрывая глаза и пытаюсь справиться с внутренней дрожью, – я действительно не могу.

– Чу, – тихо позвал меня Никита, – посмотри на меня.

Всхлипнув, отчаянно замотала головой. Мне было стыдно за свою трусость перед собой, Ником и тем человеком, что находился на моей кухне.

– Посмотри, – еще раз тихо, но настойчиво попросил Лазарев.

Я бросила на него тоскливый загнанный взгляд.

– Ты у меня молодец. Выдохни, успокойся и выйди к нему, пожалуйста. Поверь, ему сейчас хреново как никогда и от тебя зависит, как ситуация будет развиваться дальше. Просто подойди, дай ему воду, подожди, пока выпьет, отдышится, а потом проводи его в комнату и оставь одного, чтобы пришел в себя, успокоился. Давай, Вась, сделай это, а потом мы с тобой еще поговорим. Я подожду.

Я несколько раз глубоко вдохнула, потом посмотрела на экран. Лазарев мне ободряюще кивнул;

– Давай, Чу. Иди.

И мне ничего не оставалось делать, кроме как снова послушно отправиться в гостиную.

Глава 6

Тимур

Ночь прошла как один большой непрекращающийся кошмар. Кошмар и во сне, и наяву. Стоило только провалиться в тревожную дрему, как откуда ни возьмись, всплывал образ новой хозяйки, выдумывающей для него невероятные, извращенные то ли задания, то ли наказания. И он стремительно выныривал из этого ужаса. Быстро, рывком, каждый раз произвольно вздрагивая. И тут наваливалась тупая раскатыстая боль. Как и думал, сначала в такой позе было неудобно, потом до жути хотелось распрямиться, особенно когда болезненные судороги проходили по спине, вдоль позвоночника, а затем словно чувствительность кто-то выкрутил до нуля. Боль ушла, оставив после себя вязкое, тягучее ощущение, словно все мышцы то сжимаются в твердый, каменный комок, то начинают мелко дрожать. Хотя Тимур уже ни в чем не был уверен, что там дрожит или сжимается. Больше всего на свете хотелось пить, а еще чтобы эта безумная ночь наконец закончилась. Где вообще носит это Чудище? Померла что ли в этом проклятом клубе? Попыталась потряхнуть тощими мощами и рассыпалась на хр*н? Было бы неплохо... хотя, если никто не появится, то есть все шансы помереть в такой нелюбезной позе.

Тишину утра нарушил шелест шин по асфальту. Тим прислушался, пытаясь понять: машина едет к этому дому или куда-то дальше?

Автомобиль остановился, трехминутная задержка, потом звук хлопающей двери и снова шелест шин.

Похоже, оно вернулось. И если еще двадцать минут назад он негодовал от того, что вынужден стоять на коленях, в то время, как хозяйка где-то развлекается, то теперь страстно мечтал, чтобы это оказалась не она. Подняться и посмотреть, кто там приехал, у него не было возможности, поэтому парень просто весь превратился в слух.

Еле слышные медленные неровные шаги. Вот этот кто-то уже стоит у двери. Он услышал, как тихонько шевельнулась ручка на входной двери, а потом снова тишина, и снова шаги. Вот только теперь они наоборот удалялись прочь.

Что за ерунда? Долго гадать не пришлось. Он ясно услышал, как где-то в глубине дома, легонько скрипнув, открывается дверь. Тихие шаги, какое-то пыхтение, а потом грохот, от которого Тим непроизвольно вздрогнул. Похоже, кто-то что-то уронил на пол. Хотя почему кто-то? Тимур отчего-то был уверен, что это вернулась домой после гулянки обладательница прекрасных очков и обворожительной улыбки.

От ожидания неприятной встречи во рту пересохло еще сильнее. Убил бы, наверное, за глоток обычной воды.

Тем временем тихо прикрылась дверь, свидетельствуя о том, что хозяйка не собирается немедленно идти в гостиную,

предпочтя вместо этого завернуть в какую-то комнату. Может, забыла про него? Нагулялась и теперь пошла отсыпаться?

Хотя нет. Скорее не забыла, а просто плевала на какого-то там неожиданно подаренного раба. Вот дрянь!

Время все шло, неумолимо убегая сквозь пальцы, а она все не появлялась. Нет, это как вообще называется?! Просто забила на все и легла спать? Вулкан внутри бушевал, угрожая смести все на своем пути. Парень с трудом смог абстрагироваться от кровожадных мыслей. Еще не хватало болевого удара от зонда.

Черт! Пить-то как хочется.

Прошло, наверное, не менее часа, прежде чем он услышал, как дверь раскрылась, и шаги стали приближаться.

Ну, надо же! О нем все-таки вспомнили! Вот это неожиданность!

От злости даже дыхание сбилось. Вот она заходит в комнату, останавливается рядом с барной стойкой. Тим буквально кожей почувствовал ее взгляд. Что она там стоит за спиной и пялится на него? Зараза!

Спустя несколько минут она выдала гениальное:

– Эй, ты там живой?

Нет, бл**ь, помер от восторга, услышав твою дрожащую поступь! Уже еле сдерживаясь, буркнул:

– Да.

И опять тишина, и взгляд, прожигающий спину. Она из-

девается? Или пытается слова вспомнить? А может, стоит, любитесь тем, как на колени опустила...

– Поднимайся, – раздался резкий, каркающий приказ.

Твою мать, это ж надо такой голос противный иметь! Как серпом по яйцам, даже передернуло.

В памяти всплыло, что браслет должен валяться на стойке, прямо рядом с ней, и это заставило стиснуть зубы и подчиниться. Начал было вставать, да х*р бы там!

Мышцы, одеревеневшие за ночь, отказались повиноваться. С хриплым стоном повалился на бок, в этот момент просто мечтая свернуть ее костлявую птичью шею. Зонд отозвался мгновенно, пустив по нервам болезненный разряд. Искры из глаз, весь воздух выбило из легких, вынуждая хватать кислород ртом, как рыба, выброшенная на берег. Застоявшаяся кровь хлынула по венам, вызывая мелкое покалывание, нарастающее с каждой секундой и грозящее перейти в болезненные судороги.

Чудовище тем временем даже не дрогнуло, не сделав и шага в его сторону. Неторопливо пошаркало к ящичкам и начало там что-то искать. Пытаясь отдышаться, Тимур, не переставая, следил за каждым ее движением. Вот она что-то нашла на полках, прошелестела упаковкой, потом схватилась за стакан и налила воды, пытаясь справиться с дрожащими руками. У нее еще и тремор что ли?

– Устройся как тебе удобно, вот таблетки. Прими две, должно быстро полегчать, – этими словами она поставила на

край стола стакан полный ВОДЫ и рядом бросила таблетки, а сама укатилась прочь.

Она что, издевается? Тут от жажды подыхаешь, а она стакан этот проклятый ставит на виду. Садистка блин, конченная! Чего она вообще хочет добиться? Сломать в первый же день? Хр*н ей, и не таких переживали. А вот вывести из себя, выбить почву из под ног, лишить равновесия, это да! Этого она смогла добиться! Дрянь! Зонд опять отреагировал болезненным уколом. Черт, пришлось переключиться, представляя себе безмятежное голубое небо.

Воспользовавшись разрешением устроиться поудобнее, Тимур сел, привалившись спиной к стойке, и теперь медленно, но сильно растирал мышцы ног, которые буквально выворачивало от боли. А взгляд упрямо возвращался к воде.

Проклятье. Во рту пересохло еще сильнее, и парень провел языком по потрескавшимся губам. Он реально оценивал свое положение, как бы сильна не была жажда, сил на преодоление этого крошечного отрезка у него точно не было. Надо ждать, пока отступит боль и судороги, ждать пока дрожь не утихнет. Иначе только растянешься на полу, насмешив жестокую хозяйку.

Из-за закрытой двери раздались какие-то голоса. Слов было не разобрать, но Тим явно уловил мужской голос, злой, раздраженный, громкий. Похоже, кто-то безбожно орал на Чучундру. Интересно кто? Наличие экземпляра мужского пола могло существенно усложнить его и без того невеселую

судьбу.

Потом опять шаги в его сторону, сдавленный писк, шаги прочь, хлопок двери. Минута затишья и все по новой.

Бл*, она чем вообще занимается? Что это за бездарное брожение туда-сюда?

Стиснув зубы, зло приложился затылком к твердой поверхности. Как же все бесит!

Жизнь эта п*скудная, зонд, продирающийся по венам, ну а больше всего это Чудище, тихой тенью все-таки подошедшее сзади.

Тимур весь подобрался, не зная чего от нее ожидать на этот раз.

Она молча направилась к столу, взяла стакан, таблетки и осторожно подошла к нему:

– На выпей, – он подозрительно покосился на протянутый дрожащей рукой стакан и таблетки.

Молча забрал пилюли, засунул в рот и вцепился в стакан. Кое-как попытался сдержаться и не осушить его в два глотка. Не хватало еще подавиться у нее на глазах. Маленькими глоточками, чуть ли не задыхаясь от жажды пил, искоса поглядывая в ее сторону.

– Что ты делаешь? – спросила она с долей раздражения, – пей нормально! Я же вижу, что хочешь! Я тебе еще налью.

И он, забыв обо всем, большими жадными глотками начал пить, пытаясь погасить пожар внутри себя, чувствуя, как с каждой каплей к нему возвращается крупица жизни. Выпил

все, Чучундра молча забрала стакан и налила еще.

Это с чего такой приступ невиданной доброты, аттракцион щедрости? Давно ли хозяйева стали проявлять такую заботу? Или испугалась того, что копыта откинет посреди ее гостиной и придется хладный труп тащить на своих костлявых плечах?

Она стояла, прислонившись спиной к стене, и искоса поглядывала на него. Поза напряженная, руки на груди сложены, будто закрыться пытается. Ей неудобно, что ли?

Тим бросил на нее быстрый пронзительный взгляд из-под лохматой челки. Так и есть! Природное чутье и пронизательность как обычно позволяли быстро определить кто перед ним. Вот теперь, после того как начальный шок от самого факта, что его подарили такому образцу женственности и красоты, он сумел ее рассмотреть. Нет, для того чтобы оценить насколько она стремная, хватило и самого первого взгляда вчера вечером. Сейчас речь не об этом. Он смотрел, анализировал то, как она держалась, ее скованные жесты, невыразительную мимику, то, как она старалась не смотреть на него напрямую. Очевидно, что радости от такого подарка она не испытывала, скорее всего, уже мечтала кому-нибудь передарить, перепродать, в общем, избавиться любыми доступными способами. Чуть склонив голову на бок, Тимур еще раз прошелся взглядом по непривлекательной, сушеной фигуре. Явно со здоровьем у Чучундры были нелады. Может, помирает? И от этого не хочет, чтобы под боком непо-

нятно кто был? А может, он сам настолько хр*ново выглядит, что на него смотреть тошно? В любом случае, похоже, его изначальные страхи оказались беспочвенными. Она явно не грезит о нем, как о теплой грелке. И это не могло не радовать.

Она тем временем стояла как каменное изваяние, обхватив себя руками и глядя тоскливым взглядом в сторону окна, покусывая бледные губы. Похоже, радости от его появления она не просто не испытывала, а скорее наоборот, впала от этого в глубокую печаль.

Тим осушил уже второй стакан, когда Чучундра заговорила:

– Встать можешь?

Он прислушался к своему телу: пилюли подействовали, и боль отступила, оставив после себя мелкую неприятную дрожь.

– Наверное, – хриплым голосом ответил парень, пересохшее горло никак не хотело приходить в норму.

– Тогда поднимайся, – искоса поглядывая на него, произнесла хозяйка.

Стиснув зубы, и придерживаясь одной рукой за стойку, Тимур встал на ноги. Ладно, хоть судороги не начались, а то повалился бы обратно. Вот смеху было бы.

– Иди за мной, – проскрипела она и направилась куда-то в сторону коридора. Тим послушно последовал за ней, цепким взглядом скользя по обстановке и подмечая все мелочи.

Куда она его ведет? Оставалось только надеяться, что не в царскую опочивальню...

Шел за ней, чувствуя, что снова закипает, глядя на эту сушеную мартышку, мелкими шажками ковыляющую вперед. Хоть бы сказала куда ведет и зачем! А то идешь за ней, как осел на привязи.

Тем временем они прошли через весь коридор и остановились у одной из дверей. Чучундра повернула ручку и зашла внутрь. Тим в нерешительности остановился на пороге. Может ему нельзя сюда входить? Вдруг орать начнет, кто ее знает.

Хозяйка тем временем обернулась и, заметив, что он стоит, как истукан в дверях, удивленно спросила:

– Ты чего?

– Жду указаний.

– Каких?!

– Идти за вами или нет, – пробурчал он, уперевшись взглядом в пол.

– Конечно, иди! Я зря, что ли, тебя с собой звала. Это твоя комната.

Она прикалывается, да? Комната?

Не удержался, бросил на нее быстрый удивленный взгляд. Стоит, как-то растерянно макушку почесывает:

– Я, конечно, понимаю, что помещение так себе, неказистое, но уж какое есть, – словно извиняясь, развела она руками.

Блин, да ты в боксе прозрачном не сидела! Вот где помещение неказистое, а это просто царские хоромы. Он быстрым взглядом окинул комнату. Небольшая, наверное где-то три на четыре метра, но после предыдущего места, в котором его содержали, это был просто стадион.

Из мебели все по минимуму. Кровать напротив окна, письменный стол, стул. Шкаф. Очень нужный предмет, особенно если учитывать, что вещей у него нет. Разве что пыль туда складывать ровными кучками.

Но больше всего его заинтересовала дверь недалеко от входа.

Чучундра это заметила и пояснила:

– Там свой туалет и душевая.

Она это серьезно??? Свой санузел? Тимур уже забыл о том, что это такое.

Парень подозрительно нахмурился и подобрался. А что если она так шутит? Что, если это не более чем жестокая насмешка, от человека, благодаря которому он провел ночь на коленях?

С нее ведь станется! Сейчас наговорит, наобещает, помашет перед носом вкусным куском, а потом жестоко обломает. И вот как реагировать в такой ситуации?

Тим стоял, не зная, что делать. Благодарить? Пасть на колени и целовать чахлые ноженьки? Отказаться? Или что? А вдруг это проверка какая-нибудь. С чего вообще всплеск такой невиданной доброты? Ведь наверняка взамен что-то по-

требуется.

Хозяйка тем временем наблюдала за ним, чуть склонив голову на бок:

– О чем задумался?

– Не знаю, – ответил честно и пожал плечами, – не понимаю что делать.

– Ну, можешь пройтись, осмотреться, устроиться.

Он по-прежнему не двинулся с места.

– Не доверяешь, – усмехнулась она, констатируя факт, – правильно делаешь. Я б тоже не доверяла после такой теплой встречи.

Парень подозрительно покосился в ее сторону, пытаясь разгадать, что у нее на уме.

– Давай поступим так, – наконец устало выдохнула она, – я тебя сейчас оставляю здесь. Ты устраивайся, мешать не буду. Можешь принять душ, побриться.

При этих словах он вздрогнул и отчаянно замотал головой.

– Не хочешь? – удивилась было она, скользнув взглядом по бороде и лохмам, но потом взяла себя в руки, – дело твое, не заставляю. Потом отдохнешь, и мы с тобой поговорим. Спокойно, серьезно обсудим сложившуюся ситуацию, в которой оказались благодаря, – немного замялась, видать, проглотив какое-то нехорошее слово, и с трудом выдавила, – благодаря моей дражайшей подруге. Договорились?

Тим по-прежнему подозрительно косился в ее сторону и

она, так и не дождавшись ответа, направилась к выходу:

– Даю тебе время до обеда.

Тимур удивленно смотрел на дверь, которую она тихо прикрыла за собой, пытаясь понять, что это вообще такое только что было. Своя комната? Душ? Отдохни? Время до обеда?

Она ничего не перепутала? Эх, не к добру все это. Может, готовит какую-нибудь гадость?

Хотя не похоже, выглядела растерянной, недовольной, обеспокоенной. Ей явно было дискомфортно в его присутствии. Не хозяйка, а недоразумение какое-то.

В памяти всплыли слова одного из рабов, с которым он работал в шахте до обвала.

Тот любил пофилософствовать на тему, каких пород бывают хозяева. Так вот, рассказывал он про самый редкий, практически не встречающийся в природе вид. Как он там их классифицировал? Хозяева поневоле. Да, точно.

Те, которые не понимают разницы между рабом и свободным работником. Они общаются как с вольным, не заваливают работой, стараются лишний раз не пересекаться со своим имуществом. У таких хозяев обычно нормированный рабочий день, выходные и много всяких других плюсов пребывания. А минус только один. Вся эта хорошая жизнь быстро заканчивается. Наличие собственного раба напрягает их, вызывает дискомфорт, и при первой же возможности они стараются избавиться от нежеланного имущества. Хм, помнит-

ся, тогда весь барак ржал над доморощенным философом. Никто не поверил, что такие экспонаты встречаются. И вот теперь, похоже, один из таких артефактов достался ему.

А может это все глупости? И он выдумывает то, чего нет в природе? Может просто эта страшилка хочет его отмыть, привести в порядок и использовать, как только заблагорассудится, и он зря тут строит воздушные замки? Хотя, чутье редко его подводило. Кроме, конечно, того случая, когда он просмотрел опасность и оказался в результате на три года в кабале.

Ладно, хватит гадать. Есть время до обеда, значит надо его использовать с толком. Возможно, это последняя передышка перед очередным крутым виражом.

Глава 7

Опять 39 дней

– Да, – в этот раз Ник ответил на мой вызов моментально, словно сидел у компьютера и ждал. Уже оделся, привел себя в порядок и выглядел прилично, а не как человек, прошедший всю ночь то в пьянках, то в гулянках, – ну что, Вась, разобралась со своим имуществом?

Смотрю, глаза горят от нетерпения, видно, что любопытство распирает. Чтоб его подразнить заунывным голосом начала философствовать на тему мирового зла:

– Вот понимаешь, какой-то умник придумал рабство из корыстных целей, и теперь ни в чем неповинным гражданам приходится страдать. А ведь сам феномен рабства, является настолько древним и отвратительным, что остается только гадать, почему же человечество никак не изживет этот постыдный порок...

Никита сначала удивленно уставился на меня, не понимая, к чему я веду, потом подозрительно прищурился, видать, заподозрив подвох, а потом колоритно пообещал:

– Приеду – задницу надеру! Я вообще-то серьезно спрашиваю, а ты тут дурака валяешь. Между прочим, я переживал, вдруг ты там в обморок упала, или он придушил тебя ненароком.

– Да все хорошо, – кисло усмехнулась я, отбросив в сторону все кривляния.

– Не вижу радости в очах.

– Я к нему подошла, напоила, таблетки дала, подождала, пока он сумеет встать и отвела его в комнату, сообщив, что у него есть время до обеда и он может отдохнуть. Вот, в общем-то, и все.

– И как он отреагировал?

– Никак, спокойно, покорно. Хотя, мне показалось, что он считает меня маленько того, ненормальной.

– Проницательный малый.

– Еще он мне не доверяет, абсолютно.

– А чего ты хотела? Пламенных заверений в вечной преданности? Он тебя не знает, что его ждет впереди – тоже. Так с чего доверять?

– Надо сказать, что я подала документы на освобождение. Пусть порадуетса, – предложила я.

– Подожди, успеешь еще. Сначала надо разобраться кто он, чего от него ждать, – абсолютно серьезно, по-деловому произнес Лазарев.

– И как я должна, по-твоему, это сделать? Установить за ним круглосуточную слежку? Обзвонить предыдущих хозяев? – всплеснула руками, одарив друга недовольным взглядом.

– Хм, ну вообще-то для начала, ты можешь просто принести его скан-чип, – последовал язвительный ответ.

Точно, я совсем забыла, про этот чип, который Марика подло заставила меня активировать.

– Неси его сюда, – скомандовал Никита, – сейчас посмотрим, что за подарочек тебе достался.

Я надула губы и закатила глаза:

– Лень идти.

– Так ты это, Барсика своего драного отправь. Он же теперь должен все твои прихоти исполнять, – начал надо мной глумиться Лазарев.

Я смерила его презрительным взглядом, на что он только рассмеялся, и отправилась за скан-чипом.

Он так и покоился на столе, на том самом месте, где я его вчера бросила. Рядом я обнаружила браслеты. Брезгливо, двумя пальцами, взяла все это добро и понесла в кабинет, чтобы "похвастаться" перед Никитой.

Парень увлеченно смотрел на браслеты, которые я ему демонстрировала, поразился тем, что Марика не пожалела денег на новую модель. А я тем временем подключила скан-чип к компьютеру, синхронизировала его и вывела информацию на экран, таким образом, чтобы было видно не только мне, но и собеседнику.

Там был простой текстовый файл. Скупой на подробную информацию, больше походивший на сопроводительное письмо к табуретке, чем к живому человеку.

Я как-то рассеянно пробежала глазами по тоскливым строчкам. Потомственный раб, пол мужской и т.д. и т.п.

– Он, оказывается, молодой! Ему 26! – не удержалась и воскликнула вслух, – я думала за сорок.

– Мой ровесник, – задумчиво произнес Лазарев, продолжая изучать файл, – ничего себе, сколько хозяев он поменял за последние годы. Нигде надолго не задерживался, интересно почему.

– Он чахлый, наверное, поэтому и гоняли, что для серьезных работ не подходит, – предположила я, пожимая плечами.

– Сомневаюсь, – напарник покачал головой, не отрываясь от экрана, – вроде здоровый, привитой.

– Стерилизованный, – вставила свои пять копеек.

– Фу, Васька, пошлячка, – хмыкнул Ник, – рабов не стерилизуют, как же тогда новых получать?

– Никита, – я нахмурилась, – глянь-ка последний раздел, у него фиолетовый уровень.

– Где? – Лазарев опустил взгляд ниже и ругнулся, – вот тебе, дорогая моя, и причина, по которой он надолго ни у кого не задерживается! Характер-то оказывается у твоего подопечного препоганый. Драки, нападения на хозяев, неподчинение. Неудивительно, что все от него стремятся побыстрее избавиться.

Я прикрыла глаза и устало потерла переносицу. Час от часу не легче. Я только начала успокаиваться и убеждать себя, что все у меня получится, а тут на тебе, подарочек. Он еще и с дурным характером. Тут вспомнила про свое решение от-

править его к отцу.

– Слушай, наверное, плевать какой у него уровень, – поправила очки и посмотрела на Никиту, удивленно поднявшему брови, – я тут подумала и решила, что ради такого дела можно и с отцом помириться. В общем, пообщаюсь с ним, напомню про семейные узы, а потом на весь срок сбегрю ему Барсика, пусть с остальными рабами сидит...

– Чу, – Никита бесцеремонно прервал мою самозабвенную речь, – вот скажи мне одну вещь. Почему у тебя настолько избирательная память? Про то, что подаренного раба надо освободить в течение двух часов, ты вспомнила, а про пункт, выделенный жирным шрифтом, в котором говорится, что до момента освобождения раб должен находиться рядом с хозяином, вознамерившимся выпустить его на свободу, без всяких передач третьим лицам, ты благополучно забыла.

– Блииин, точно, было такое, – обреченно простонала я, уткнувшись носом в ладони, – Я не могу его отдать папаше!

– Мало того, дорогая моя, что ты не можешь его отдать, так ты не можешь покинуть Ви-Эйру, до того момента, как он официально не будет признан свободным!

– Что!? – вскочила на ноги, за что тут де поплатилась резкой болью в грудной клетке, – мне полтора месяца до снятия корсета, потом еще пара недель восстановления и все тью-тью, прощай Ви-Эйра! Я не собираюсь здесь сидеть еще целых четыре месяца!

– Куда ты денешься? – Лазарев развел руками, – протокол

есть протокол. Если не хочешь проблем на работе, значит, все сделаешь по правилам.

– Черт, может мне его отравить и по-тихому закопать где-то в саду? – простонала я, сердито расхаживая по комнате.

– Василиса, что-то я не замечал за тобой раньше такой кровожадности.

– А вот я что-то не замечаю расстройства с твоей стороны из-за того, что дражайший напарник, то бишь я, не вернется к работе еще четыре месяца!

– Так я, наоборот, рад. Ты же сумасшедшая, только вылезешь из корсета и сразу побежишь на службу, несмотря на рекомендации по щадящему режиму! И мне придется тебя связывать, чтобы удержать на месте. А так, хочешь не хочешь, а придется отдохнуть.

– Да я тут со скуки подохну! – взвилась выше небес.

– Не подохнешь, у тебя теперь Барсик есть, злой, вредный и противный, нечесаный. Вот и будешь воспитывать его, – Никита рассмеялся, глядя на мое возмущенное лицо.

– И что мне теперь делать? Как жить, имея под боком такой дивный экспонат?

– Обычно жить.

– Обычно я живу дома одна, делаю, что хочу, без оглядки на кого-либо. А теперь со мной под одной крышей несколько месяцев будет жить какой-то непонятный, подозрительный мужик. Как ты себе это представляешь?

– Относись к этому философски. Ты хозяйка, он раб,

которого ты отпустишь на волю, нужно только потерпеть немного.

– Немного? Да я с ума сойду за эти месяцы. Блин, может его отправить жить в гараж? Или построить для него специальный временный дом?

– Вась, вот если бы тебе Шарика подарили или Полкана, тогда да, с чистой совестью можно было бы отправить его на улицу в будку. Но у тебя Барсик, а значит жить ему в доме.

– Ник, хватит прикалываться! Я понимаю, что тебе это кажется забавным, находясь за тысячи километров отсюда, а мне не до шуток! Мне не комфортно от осознания того, что теперь рядом будет посторонний человек. Он меня напрягает. Я ему не доверяю, да и, что скрывать, откровенно побаиваюсь. Фиолетовый уровень так просто не дают.

– Чу, успокойся. У него сейчас зонд стоит самого высокого уровня, а значит при одной только мысли о том, чтобы навредить тебе, его так током бьет, что мама не горюй. Так что вреда он тебе не причинит, даже если очень захочет. Зонд вырубит его, прежде чем он успеет пальцем пошевелить.

– Уверен?

– Да, еще нет таких человеческих мышц, которые бы смогли противостоять электронике. Так что не переживай по этому поводу. Хотя, конечно его характер и меня напрягает.

– Может он подобрееет, если узнает, что я собираюсь его отпустить на волю, – с надеждой в голосе спросила я.

Ник с минуту молчал, а потом покачал головой и серьезно

произнес:

– Не говори ему ничего. Мы не знаем, что у него на уме. Возможно, обрадуется и будет порхать вокруг тебя как розовая фея, а возможно станет неуправляемым, решив, что раз на носу свобода, то к черту всех хозяев.

– Мне все-таки кажется, что надо сказать, – настаивала я.

– Нет, не надо! Сначала присмотришься к нему, может он уже сегодня пакостить начнет, или нервы тебе мотать станет. Не усложняй себе жизнь. Понаблюдай, а уж потом порадуешь его, если захочешь.

– Как же мне все это надоело, – сердито проворчала я, – вот что мне прикажешь теперь с ним делать?

– Для начала подбери ему работу.

– Хочешь, чтобы я использовала рабский труд?

– Нет, ну а что ты предлагаешь? Чтобы он сидел целыми днями на попе ровно? Он раб, как ни крути, и привык к работе. Вот если ты его без дела оставишь, то тогда точно проблемы начнутся, – поучал меня Лазарев.

– И какую работу, по-твоему, я должна ему дать, – сердито поинтересовалась я, – отправить на рудники?

– Нет, конечно, выбери что-то, что тебе самой делать в тягость, и поручи ему. Есть варианты?

– Конечно, – ехидно ответила я, – пусть есть готовит! Избавит меня от этого кухонного кошмара. Как тебе такой вариант?

– Сойдет, а что еще?

– Еще? – я задумалась, а потом радостно щелкнула пальцами, когда в голову пришла идея, – пусть убирается и подерживает дом в порядке. У меня все равно сейчас не получается ни согнуться, ни наклониться. А так он меня избавит от двух крайне неприятных дел!

Лазарев, скептически подперев щеку рукой, искоса наблюдал за моим восторгом:

– Чу, когда ты напишешь книгу, я стану твоим самым преданным читателем.

– Какую книгу? – не поняла я.

– «Как нажить заклятого врага за пятнадцать минут».

Я непонимающе уставилась на него.

– Васька, ты его ночь продержала на коленях, поиздевалась насчет воды и таблеток, а теперь собираешься его завалить бабской работой. Хочешь, чтобы он ходил в переднике и с пылесосом, размахивая пипидастром?

– Чем? – не поняла я.

– Щетка такая для пыли! А не то, что ты подумала! Да он озверееет через несколько дней!

– И что мне делать? – чувствую, что снова начинаю впадать в ступор.

– Найди ему мужскую работу! – поучительным тоном заявил Никита, – что угодно, лишь бы с выраженным мужским характером.

Я задумалась, пытаюсь припомнить, что там в эту мужскую работу входит, потом с сомнением произнесла:

– Крышу на гараже перекрыть надо. У меня все руки не доходили, чтобы мастера вызвать.

– Вот, Чу, отлично. Пусть кроет. Это хоть разбавит тоску от уборки и готовки, – похвалил Лазарев.

– Еще в гараже стоит старая машина. Она не едет, но я все никак не могу с ней расстаться, она мне напоминает о том, что когда-то у меня была полноценная семья. Пусть попробует ее починить?

– Умница, Васька. Идеально. Когда будешь с ним разговаривать, это обязательно сообщи.

– Что мне делать с браслетами? Я не хочу их носить, – с отвращением покосилась на эти ужасные украшения.

– Запри их в сейфе и сообщи об этом Барсику. Чтобы знал, что ты не собираешься управлять им с помощью кнопок. Думаю, это его обрадует.

– Разве это безопасно?

– Вась, ну подумай сама. Зонд внутри него. Независимо от наличия браслета, он будет делать свою работу и не допустит, чтобы он тебе навредил, болезненно пресечет любые попытки. Сами браслеты уברי в сейф, это позволит удерживать его поблизости. То есть сможет ходить по дому, забираться на твой гараж, бродить по территории, но сбежать не сможет. Браслеты будут включены, они уже настроены на тебя. Значит, ты можешь отдавать непосредственный приказ, если тебе, конечно, захочется, в чем я очень сомневаюсь. И перебороть его у него не будет возможности. Так что ты за-

щищена со всех сторон, не переживай, – Ник говорил все это так убежденно, что я начала успокаиваться, а еще стала зевать как ненормальная.

– Чем будешь заниматься, чтобы скоротать время до вашего теплого разговора? – усмехаясь, поинтересовался Ник, и так прекрасно зная ответ.

– Ничем, спать пойду, из-за этого клуба у меня все ноет, а к вечеру начнется непрекращающаяся боль. Так что пойду к себе, немного посоплю, – честно ответила, даже не пытаюсь выдумать что-то другое. Смысл? Если он меня знает как облупленную.

– Ну, давай, только смотри не проспай, у тебя сегодня важный разговор. Если что звони, – усмехнулся Лазарев и, попрощавшись, отключился.

Я еще немного посидела за столом, гипнотизируя темный монитор, а потом зевнула и побрела в свою комнату.

В коридоре остановилась, прислушалась, пытаюсь уловить, что происходит в самой дальней комнате. Вроде вода шумит. Неужели душем соблазнился? Ладно, пусть отмокает, а я пока отдохну.

Через пару минут я уже с кряхтеньем улеглась в свою кровать, и попыталась устроиться поудобнее. Не тут-то было. Все тело словно в жерновах побывало. Так и знала, что аукнется мне эта ночка по полной программе!

Кстати странно, пока переживала и металась из-за Барсика, боли как бы и не чувствовалось. Она отошла, спрята-

лась, затаилась где-то на заднем плане. Зато теперь, когда немного успокоилась, она нахлынула с новой силой, вынуждая жмуриться, сжимать кулаки и закусывать до крови губу. А в шкафчике таблетки лежат обезболивающие, те самые, которые подарку своему неожиданному выдавала. Мне бы тоже парочку, чтоб полегчало... Нельзя! Эх, не сорваться бы. Чуть-чуть осталось, надо дотерпеть.

Глава 8

Снова 39 дней

Проснулась я все от той же ноющей боли во всем теле. Ощущение словно и глаз не смыкала, в голове шум, во рту пересохло. Ужасное состояние, будто похмелье, вот только я ни капли алкоголя не принимала. Потянулась, сердито поворочилась, надеясь устроиться поудобнее, и заснуть еще хоть ненадолго. И тут мой взгляд упал на часы.

Пять! Часов! Вечера!

Я продрыхла весь день, как самый натуральный ленивец! Потом вспомнила про бородача, который теперь будет жить со мной, и с которым я собиралась серьезно поговорить. Во время обеда! Несколько часов назад!

Да что за жизнь-то такая?

Отдуваясь и пыхтя, выбралась из кровати, кое-как доковыляла до ванной комнаты, попыталась привести себя в порядок, но быстро оставила это бесперспективное занятие, и с тяжелым сердцем отправилась к Барсику. Все-таки надо серьезно поговорить с ним, все обсудить. Но как же не хочется! Он меня, наверное, и так считает бесчувственной заразой, то на ночь на полу оставляю, то вместо обещанного разговора в обед, затягиваю до самого вечера.

Ох ты ж, блин, он же, наверное, голодный, как волк! У

меня ему перепало только два стакана воды с пилюлями, а когда он ел до этого неизвестно. Судя по тощему виду, деликатесами и пятиразовым питанием его никто не баловал.

Доковыляла до его двери и в нерешительности остановилась. И что теперь? Крикнуть, чтоб поторапливался и выходил? Или вломиться и приказать следовать за собой? Или может вообще развернуться и уйти, отложив неприятный разговор до лучших времен? Ну, подумаешь, поголодает немного...

Пришлось себя сурово одернуть, несколько раз тяжело и глубоко вздохнуть, призывая к внутреннему спокойствию и гармонии. Вроде полегчало, и после этого я сделала то, что и должна была. Просто постучала, и, подождав несколько секунд, заглянула внутрь.

Барсик (фу, прямо передергивает каждый раз, когда эта кличка всплывает) сидел на кровати, привалившись спиной к стене и прикрыв глаза. Заметив мое появление, он торопливо поднялся на ноги и теперь стоял передо мной с понуро опущенной головой. Наверное, гадал о том, что же его ждет дальше.

– Иди за мной, – отдала распоряжение сиплым голосом, не дожидаясь ответа, развернулась и последовала на кухню, уверенная, что пойдет за мной.

И пошел, как миленький! Вот только спиной чувствовался его тяжелый мрачный взгляд.

Когда пришли на кухню, я кивком указала ему на стул, а

сама направилась к холодильнику:

– Когда ты ел последний раз? – поинтересовалась, не оборачиваясь. Я вообще почему-то стремилась отвести глаза в сторону и не смотреть на него. Он меня реально напрягал своим присутствием, до такой степени, что... Так, спокойно Василиса, глубоко дышим и улыбаемся. Кто здесь главный? Я! И этим все сказано. Так что увереннее!

– Вчера утром, – после секундного колебания ответил он. Блин, так и есть, проморила его голодом, вместо того чтобы сразу накормить. Ай да молодец, ай да умница. Прав был Ник, относительно того, что мне книгу надо написать, пособие по обретению заклятых врагов.

Раздраженно мотнула головой, пытаюсь отогнать тревожные мысли, достала из холодильника две упаковки "быстроужина" и закинула их разогреваться.

Сложила руки на груди и стала ждать, с увлечением рассматривая цифры таймера. В общем, несмотря на внутренние медитации, по-прежнему старалась смотреть куда угодно, но только не на него. С силами для разговора еще не собралась, поэтому молчала. А он и подавно рта не раскрывал. Конечно, ему ведь не положено, без моего разрешения. Вот тоска-то!

Наконец раздался сигнал, что все разогрето до нужной температуры, от которого я, затерявшаяся в своих мыслях, невольно вздрогнула.

Достала один из контейнеров, вилку и положила все это

перед ним. Сама устроилась напротив.

Парень (Блин, ведь реально парень! А я сначала подумала, что старый хрыч) не шелохнулся, подозрительно поглядывая то на меня, то на еду.

– Не умеешь пользоваться вилкой? – спросила я, пытаюсь сдержать раздражение. А что, если действительно не умеет? Что, если рабам и не положено этого уметь? Черпают руками из миски и ладно. Пфф, я с ума сойду, если еще придется его социализировать и учить элементарным вещам.

– Умею, – наконец ответил он сиплым глухим голосом.

Подняла глаза к потолку и воодушевленно произнесла "спасибо!", не сумев сдержать свою иронию. Похоже, он это понял, потому что весь подобрался. Черт, вот что я делаю? Надо с ним спокойно поговорить, а я вместо этого издеваюсь.

– Раз умеешь, то бери вилку и ешь, – постаралась произнести как можно более спокойно и миролюбиво, сама при этом открыла контейнер, поморщившись от синтетического запаха, и принялась меланхолично ковыряться в его содержимом.

– Сколько? – его вопрос вогнал меня в ступор.

– Сколько чего? – глупо переспросила, непонимающе глядя в его сторону.

– Сколько есть?

О боги, дайте мне силы! Силы и терпения! Нет, лучше просто терпения!

– Сколько хочешь, столько и ешь, – пожала плечами, с тру-

дом удержавшись от лишних высказываний.

Снова подозрительный взгляд в мою сторону, из-под лохматой челки. Возникало почти непреодолимое желание его побрить и подстричь, или хвостик на лбу заколоть, как у маленьких собачонок.

– Ешь уже, – цыкнула на него, – а то все остынет.

Больше он ничего не говорил. Открыл контейнер и принялся за еду. Я видела, как он сдерживается, пытаюсь не закидать все сразу себе в рот. Да, бедняга явно проголодался. Эта мысль снова всколыхнула чувство вины, заставляя досадливо жмуриться.

Так и сидели друг напротив друга, каждый, уткнувшись носом в свою порцию. Я отправила в рот пару кусочков, и все. Больше в меня не влезало, как обычно не было аппетита. Барсик же наоборот умял все, ни оставив и крошки. Я исподтишка на него поглядывала, испытывая всю гамму отрицательных чувств. От опасения за свою жизнь до откровенного раздражения, вызванного его присутствием, а поверх всего этого накладывался голос здравого смысла.

Он же не виноват в том, что выбор полоумной Марики пал на него. Если бы кого-то другого звали Барсиком, то она пригласила бы того другого. А так, обстоятельства сложились таким образом, что именно мы сидели сейчас на кухне и "совместно ужинали". Во всем виновата эта проклятая кличка.

Кстати о ней...

– Мне не нравится твое имя, – задумчиво произнесла,

крутя в руках вилку, – кошачья кличка и это раздражает.

Опустил голову еще ниже, молчит.

– Есть какое-нибудь имя, которое бы тебе нравилось? – интересуюсь у него, особо на ответ и не рассчитывая. Он равнодушно пожал плечами, заставляя скрипеть от досады зубами. Но отступить я не собиралась:

– Давай сделаем так, я буду перечислять имена, а ты дай знать, когда что-то понравится, – предложила я, и уставилась не него в ожидании ответа. Бесполезно. Глубоко вдохнула, медленно выдохнула, призывая себя к спокойствию и начала монотонно перечислять, придерживаясь алфавита:

– Алексей, Андрей, Антон... Вадим, Виктор, Владислав, – и так далее, и тому подобное. Чем дольше я бубнила мужские имена, тем большей идиоткой себя чувствовала. Что я за глупость затеяла? Он так и промолчит, игнорируя все мои предложения. Захотелось бросить, махнуть на все рукой, и оставить его с дурацкой кошачьей кличкой, или взять и назвать каким-нибудь Евлампием, чтоб не повадно было меня нервировать! Но упрямство не позволило остановиться, и я продолжала обреченно бубнить: – Никита, Николай, Олег, Павел, Сергей, Тимур...

На последнем имени я ясно увидела, как дрогнули его плечи. О, ну хоть какая-то реакция! За нее я и ухватилась.

– Тимур, значит, понравился? Ладно, так тому и быть, – торопливо выдохнула, радуясь, что этот глупый аттракцион закончился, – будешь Тимуром. Предупреждаю сразу: ме-

нять и придумывать новые имена не собираюсь. Так что один раз и навсегда.

И тут он впервые на меня посмотрел, в глаза, от чего я непроизвольно поежилась. Мимолетный взгляд темных, почти черных глаз и не понятное выражение, застывшее в них, больше всего похожее на изумление, недоверие и... благодарность? После чего снова уткнулся в тарелку, а я все-таки набралась храбрости и заговорила на важную тему:

– Мне жаль, что так все нелепо сложилось. Марика поступила некрасиво, притащив тебя в качестве подарка, но такая уж она... – еле успела проглотить некрасивое слово, – хм, не важно. Как ты уже, наверное, понял, она не очень меня любит, и этим жестом хотела мне досадить. Если честно досадила, еще как. Я крайне негативно отношусь к рабству, в силу личных причин. Поэтому твое появление, мягко говоря, выбило у меня почву из-под ног. Да, и за неудобную ночь извиняюсь, растерялась, – прокашлялась, оттого что в горле внезапно запершило. Уже было хотела сообщить ему о том, что собираюсь отпустить, но в последний момент удержалась. А что, если Ник прав? Вдруг такое признание заставит Барсика... тьфу ты, Тимура (не забыть бы!) наплевать на все и в полную меру развернуть свой характер, отыгрываясь на мне за всех предыдущих хозяев. Нет, надо молчать. Понаблюдать за ним недельку, а потом уже рассказать, при условии, что будет хорошо себя вести.

Бросила на него быстрый взгляд. Сидит, весь подобрался,

слушает. Ну, слушай, слушай, лохматый мой:

– В общем, раз уж ты у меня оказался, то думаю, надо обговорить некоторые правила. Первое, что ты будешь делать – это готовить.

Не удержался, опять поднял на меня удивленный взгляд, правда, сразу опустил, по видимому испугавшись, рабам ведь нельзя смотреть хозяину в глаза.

Я почему-то в этот момент почувствовала себя идиоткой, которая к 24 годам так и не смогла научиться готовить ничего сложнее яичницы. Хотя и она раз от раза тоже получалась в виде сушеного коржика.

– И не смотри на меня так, – проворчала, пытаясь скрыть смущение, – поверь мне, если я буду готовить, то нас ожидает смерть либо от голода, либо от заворота кишок, а питаться все время полуфабрикатам мне нельзя. Так что теперь, это твоя обязанность. Сам-то умеешь готовить?

– Так себе, – пожал он плечами.

– Так себе это лучше, чем отвратительно, – удовлетворенно кивнула головой, – с тебя завтрак, обед и ужин, с завтрашнего дня.

Покорно кивнул.

– Во сколько завтрак?

– Ну, я раньше десяти вряд ли выберусь из своей комнаты, так что примерно к этому времени.

Я наблюдала, как он хмурится, пытаясь что-то понять, но поскольку кроме молчания опять ничего не дождалась, то

продолжила:

– Поехали дальше. Если ты успел заметить, я маленько не в форме, – руку на отсечение даю, что этот гаденыш еле сдержался, чтоб не ухмыльнуться, – да-да, можешь не усмехаться, сама прекрасно знаю.

При этих словах он весь сжался:

– Простите, я не собирался...

Черт, похоже, испугался, что наказывать буду. Ой, как тяжело-то, шаг в сторону и все, он уходит в глубокий окоп, наполненный тошнотворной покорностью.

– В общем, убираешься в доме и поддерживаешь порядок теперь тоже ты, – сердито буркнула, ожидая, что теперь он точно взбунтуется и пошлет меня подальше. И, конечно же, не дождалась. Опять тишина. Очень некстати всплыла фраза Ника про передник и щетку для пыли, отчего я чуть не засмеялась. Еле удалось сдержать нервный смех, а то точно подумал бы, что я маленько того, на голову больная.

– Все ясно? – уточняю на всякий случай.

– Да, – легкий кивок.

– Чудесно. А чтоб тебе не было скучно с таким набором дел, будешь еще крышу на гараже перекрывать. Сообразишь как, или лучше сразу мастера вызывать?

– Чего там соображать, все просто.

Ого, целую фразу выдал. Прямо, разболтался не на шутку!

– Вот и отлично. А в машинах что-нибудь понимаешь?

Кивнул.

– Что понимаешь? Что у нее четыре колеса, спереди баранка и где-то внутри мотор? – мне хотелось, чтобы он начал разговаривать, потому что покорное молчание выводило из себя.

– Я работал на станции техобслуживания, – пояснил он, потряхнув головой. Что, патлы мешают? Ну, вот пообвыкнешься, все равно побрею, как бы ни сопротивлялся.

– Отлично. Машина старая, но дорога мне как память, если сумеешь ее завести и заставишь ехать, то буду безумно благодарна.

– Сделаю.

– Вот, в общем-то, и все, что мне от тебя надо, – подвела я итог, радуясь, что тяжелый разговор подходит к концу, – теперь давай по поводу браслетов поговорим.

В тот же миг, начавший было только расслабляться Тим, весь сжался. Не знаю от чего страха, злобы, бессилия. Все причины ужасны, и мне в этот миг стало безумно неудобно перед ним, стыдно и как-то мерзко за все происходящее:

– Я не буду заставлять тебя надевать его, – поспешила произнести вслух, чтобы успокоить, – и сама носить не собираюсь. Я уберу их в сейф, запру и обещаю не доставать. Но ты должен понимать, что доверия между нами пока нет, и я была бы полной дуррой, если бы их отключила. К тому же твой фиолетовый уровень к таким вольностям не располагает. Они будут убраны, но активированы. Если надумаешь что-то выкинуть, будь готов к тому, что я отдам непосред-

ственный приказ, – ненавидела себя в этот момент, чувствовала последней гадиной, но проговорить эти моменты было необходимо, – все понял?

– Да, – последовал сдержанный ответ.

– Благодаря активированным браслетам, ты не сможешь уйти. Радиус действия, по-моему, метров триста, так что сможешь перемещаться по дому, чинить гараж. Отойти дальше сможешь только рядом со мной. Ясно?

– Ясно, – повторил словно эхо.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно кивнула, однако, не ощущая ничего хорошего, – надеюсь, наше с тобой совместное существование не омрачится каким-либо досадным инцидентом.

Поскольку убогий ужин подошел к концу, я поднялась на ноги, намереваясь уползти в гостиную к телевизору. Тимур тоже поднялся, и я поняла, что он хочет что-то сказать, но не решается:

– Тим, – устало проговорила, с удивлением заметив, как он опять вздрогнул. Да что с ним такое? Какие-то ассоциации с этим именем? – если хочешь что-то сказать, то не тяни. А вообще, если бы разговаривал со мной, то это очень упростило бы дело.

– Что мне делать сейчас?

Неожиданный вопрос, я замерла, задумчиво почесывая затылок, потом беспомощно развела руками:

– Ну, не знаю, иди, поспи, почитай, – снова поймала уже

привычный удивленный взгляд. Я что-то не то говорю? Ну, извините, не знаю, как правильно общаться с рабом! Поэтому раздраженно спросила:

– А чего ты ждал? Ты говори, я исправлюсь! Может, мне надо было тебя сразу послать землю пахать, или может выпороть?

– Нет, – он тотчас пошел на попятный, а мне опять стало стыдно и неудобно.

– Ну, вот раз нет, то иди и спи, и не трепли мне нервы, – недовольно буркнула, грубостью прикрывая стыд.

Он без вопросов развернулся и направился к выходу, и через пару секунд я услышала, как прикрылась дверь в его комнату.

Фуууух, сто потов сошло, пока этот разговор прошел. Вернее не разговор, а мой сумбурный монолог с его унылыми односложными ответами. Просто мечта, а не собеседник!

Махнув рукой, поковыляла к телеку. Все, хватит с меня на сегодня геройств, отдохнуть хочу.

Тимур сидел на кровати, оперевшись локтями на колени и размышлял.

В том, что ему достался этот редкий экземпляр "хозяина поневоле", он не сомневался.

То как он сейчас с ним разговаривала, как вела. Все непра-

вильно, не по-хозяйски. Обычно теплый прием начинается с размечивания территории, демонстрации силы, раздачи наказаний, так сказать авансом.

А у этой все не так, даже извинилась за ночь. А уж когда имя вернула, свое родное, он был готов ползать перед ней на коленях. Нет, она не была первой, кому не нравилась кличка Барсик, но обычно хозяева сами выбирали имя, и, не дай Бог, было забыть, как тебя зовут в этот раз. Иногда спрашивали, какое имя он бы хотел. Но что толку, если ментальный блок не позволял и слова на эту тему сказать. А тут стала перебирать разные имена, а он сидел и гадал, назовет его настоящее имя или нет. И когда назвала, от удивления вздрогнул. Чучундра оказалась внимательной и заметила. Вуаля, и он снова Тимур. Впервые за этих три скотских года!

Когда заговорила про работу, чуть не заржал. Готовить? Хм, в прежней жизни все говорили, что у него талант, и самому нравилось, что можно отвлечься от любых мыслей, если погрузиться в готовку.

Подумать только, завтрак к десяти! Да его обычно за шкуру в пять утра поднимали, и на работу выкидывали, а тут к десяти! О*ренеть можно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.